

ОБЛАКА.

Комедія Аристофана.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО Е. М. КАРНОВИЧА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ, «Репертуаръ и Пантеонъ», театральный сборникъ, назначаемый преимущественно для легкаго чтенія любителей театра, предлагаетъ имъ въ *первой* книжкѣ и на *первомъ* листѣ комедію *Аристофана*, и притомъ переведенную съ *греческаго*? — А почему-жъ и не такъ? Новая редакція «Репертуара и Пантеона», распорядившаяся этимъ изданіемъ съ 1843-го года, и дѣйствующая не на-обумъ, а съ сознаніемъ и отчетливостию, предположила себѣ не довольствоваться одними легкими, эфемерными явленіями современной драматической литературы, а, по-возможности, знакомить читателей своихъ съ вѣковыми произведеніями драматическаго гения, какому-бы народу они ни принадлежали; съ этой цѣлю напечатала она въ прошлыхъ годахъ «Троила и Крессиду» Шекспира, «Мѣщанинъ-дворянинъ» Мольера, «Севильскаго Цирюльника» Бомарше, и пр., въ новыхъ и изящныхъ переводахъ. Сколько можемъ судить, читателямъ «Репертуара и Пантеона» это не было непріятно, потому-что число ихъ не только не уменьшается, а напротивъ съ каждымъ годомъ, даже съ каждымъ мѣсяцемъ, возрастаетъ болѣе и болѣе. Итакъ, съ Богомъ пойдемъ далѣе, и постъ Шекспира, Мольера и Бомарше, осмѣлимся обратить вниманіе и на Аристофана. Позволяемъ себѣ утѣшительную мысль, что въ числѣ новыхъ читателей, подписывающихся на «Репертуаръ и Пантеонъ» съ 1843 го-

да, много прибыло и такихъ, которые ищутъ серьёзнаго чтенія и всегда рады *прогестъ* или *перегестъ* образцовыя произведенія стараго театра. Много еще есть у насъ замысловъ впереди, но вдругъ всего сдѣлать невозможно. Предоставляемъ времени и обстоятельствамъ. Ручаемся за свое усердіе и за желаніе добра. Тѣмъ пзъ читателей, которые вздумали-бы сѣтовать на насъ, что мы угощаемъ ихъ такою *серьёзною*, такою *старою*, *классическою* комедіею, каковы «Облака» Аристофана, мы шепнемъ на ушко, что эта комедія очень *забавная*, очень-*новая* и совершенно *романтическая*, потому-что ее недавно играли въ Парижѣ, на театрѣ *Одеонъ*, самомъ романтическомъ, романтическомъ до такой степени, что онъ не побоялся представить на сценѣ своей *Антигону Софокла*, переведенную съ греческаго. Итакъ пусть они примутъ эту комедію за *парижскую новинку*. *Ред.*

«Облака», комедія Аристофана, принадлежитъ къ числу лучшихъ пьесъ этого писателя. Первый разъ она была представлена въ первый годъ 89-й олимпиады, т. е. за 424 года до Р. X. Намѣреваясь показать особенности этой комедіи Аристофана, считаемъ пензлншимъ очертить общій характеръ греческой комедіи, совершенно-отличный отъ современной нашей комедіи. Главною цѣлю древней комедіи было осмѣять лица, которые были въ какихъ-нибудь непріязненныхъ отношеніяхъ къ сочинителю, или она старалась уронить въ общественномъ мнѣніи особъ, которымъ была ввѣрена власть правительственная, и въ такомъ случаѣ принимала характеръ чисто-политическій. Здѣсь говорилось о предпріятіяхъ и мѣрахъ правительства, и народъ аѳинскій, котораго любимымъ занятіемъ была политика, съ жадностію ходилъ смотрѣть на такія представленія. Авторъ пользовался правомъ произносить имя того, на кого онъ дѣлалъ нападки и при томъ часто, въ угожденіе подозрительной толпѣ, доставалось и добрымъ гражданамъ, которые, по своему могуществу и богатству, казались опасными въ глазахъ согражданъ.

Отличительнымъ и особеннымъ свойствомъ греческой комедіи былъ такъ-называемый *парабазъ*, переходъ (отъ греческаго глагола *παράβαινω*). Въ среднѣхъ комедіи, хоръ, который въ это время только одинъ, безъ прочихъ дѣйствующихъ лицъ, находился на сценѣ, обращался къ зрителямъ и отъ имени сочинителя разговаривалъ съ ними: онъ или защищалъ автора, или насмѣхался надъ его недоброжелателями, или, представляя собою поэта, какъ гражданинъ Аѳинской Республики, дѣлалъ то важныя, то шуточные

предложенія касательно дѣлъ общественныхъ. И эта болтовня хора съ зрителями, которая по большой части не имѣла никакого отношенія къ комедии и которая въ наше время не можетъ быть допущена на сценѣ, была съ терпѣливымъ ожидаема любителями древней комедии и политики.

Что касается до комедии Аристофана, то онѣ составляютъ богатый вкладъ въ сокровищницу классической литературы. Какъ въ «Илиадѣ» и «Одиссеѣ» Гомера представляется бытъ Элливотъ того времени, когда цари управляли ими, такъ въ комедіяхъ Аристофана отразилась республиканская жизнь Аониянъ. Аристофанъ не щадилъ ни Клеона, ни другихъ сильныхъ въ то время лицъ, но льстилъ самолюбію народа, и въ его твореніяхъ такъ сильно было видѣнъ духъ тогдашней Аонической Республики, что когда Діонисій, тиранъ Сиракузскій, хотѣлъ узнать образъ правленія въ Аоніяхъ, то глубокомысленный Платонъ прислалъ ему комедіи Аристофана. Кроме того онѣ коротко знакомятъ насъ съ домашнимъ образомъ жизни тогдашнихъ Аониянъ. Аристофанъ, такъ сказать, вводитъ насъ въ кругъ своихъ современниковъ, знакомитъ насъ съ образомъ ихъ мыслей, съ ихъ недостатками и пороками, и стоить только прочесть разговоръ между Справедливымъ и Несправедливымъ (см. ком. «Облака»), чтобы вполне убѣдиться въ этомъ; тамъ онъ яркими красками описываетъ тогдашнее воспитаніе Аониянъ и непорочность ихъ нравовъ.

Относительно предлагаемой читателямъ нашей комедии надобно замѣтить одно важное обстоятельство: всѣ обвиняютъ Аристофана въ томъ, что онъ, осмѣявъ Сократа, былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ смерти этого почтеннаго мужа, и что будто-бы Аристофанъ писалъ эту комедію за деньги, въ угоду врагамъ Сократа — Анотію и Милетію. Что комедія Аристофана имѣла нѣкоторое вліяніе на осужденіе Сократа, этого вполне опровергать нельзя, хотя изъ того, что «Облака» въ два первыхъ представленія не имѣли успѣха, можно заключать, что они не могли произвести сильнаго впечатлѣнія на Аониянъ. Но мнѣніе, что она была непосредственною причиною смерти Сократа, совершенно-несправедливо, потому-что между первымъ ея представленіемъ и гибелью Сократа прошло болѣе 24 лѣтъ. Укоряютъ же Аристофана въ смерти Сократа, кажется, только по тому, что судьи обвинили его въ томъ-же самомъ, въ чемъ обвиняетъ его Аристофанъ, въ томъ, что онъ развращаетъ юношей, презираетъ отеческихъ боговъ и вводитъ поклоненіе чужимъ богамъ. Теперь предстоитъ вопросъ: за что-же нападалъ Аристофанъ на Сократа? Первый, какъ комическій писатель, говорилъ много неприличнаго и непристойнаго; второй, какъ философъ, возставалъ противъ этого, и остроумный комикъ метилъ философу насмѣшками; странный образъ жизни Сократа и его утонченный разговоръ со великимъ ветрѣнымъ, давали талантливому писателю

лю тогдашняго времени обильный материалъ. Притомъ, должно замѣтить, что Аристофанъ вообще нападаетъ на послѣдователей Сократа, софистовъ, уже слишкомъ исказившихъ ученеіе своего наставника; преимущественно же эта комедія направлена противъ современнаго воспитанія, и Фидиппесъ, который бьетъ отца и доказываетъ, что бить его онъ имѣетъ право, выставленъ съ тою цѣлью, чтобы показать, до чего можетъ довести ученеіе софистовъ.

Еще надобно замѣтить, что въ «Облакахъ» какъ и во всѣхъ комедіяхъ Аристофана, находится много намѣковъ на извѣстныя лица того времени и эта особенность придавала живость комедіи въ ту эпоху, но въ наше время напротивъ ослабляетъ ея интересъ. Часто встрѣчаются игра словъ, двусмысленности и остроты, но, надобно признаться, болѣею частію неприличныя; по что комедіи Аристофана, не смотря на вольность выраженій, нравственны, это всего лучше подтверждается тѣмъ, что Аристофанъ былъ любимымъ писателемъ Св. Іоанна Златоустаго. Надобно перенестись въ ту эпоху, когда жизнь общественная не была такъ скована приличіемъ. Переводчикъ, имѣя въ виду напечатать эту комедію въ періодическомъ изданіи, не рѣшился позволить себѣ неприличныхъ выраженій, и, по возможности, старался передать приблизительно, а обременять читателя выносками греческими и латинскими счелъ совершенно-излишнимъ; для тѣхъ-же, кто пожелалъ-бы справиться съ подлинникомъ, въ замѣчаніяхъ означены стихи по лейпцигскому стереотипному изданію Аристофановыхъ комедій, 1829 года.

Перев.

ОБЛАКА.

КОМЕДИЯ АРИСТОФАНА.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

СТРЕПСІАДЪ.
ФДИППЪ.
СЛУГА СТРЕПСІАДА.
УЧЕНИКЪ СОКРАТА.
СОКРАТЪ.
ХОРЪ ОБЛАНОВЪ.
СПРАВЕДЛИВЫЙ.
НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.
НАСІЙ, ЗАПМОДАВЕЦЪ.
СВИДЕТЕЛЬ.
АМПИЙ, ЗАПМОДАВЕЦЪ.
УЧЕНИКИ СОКРАТА.
ХЕРЕФОНЪ.

—

Театръ представляетъ снальную Стрепсиада. Онъ и сынъ его лежатъ на постеляхъ. Въ окно видѣнъ домъ Сократа.

—

СТРЕПСІАДЪ.

Охъ, охъ, Зевесъ, мой царь, какая ночь!
Мнѣ кажется, что ей конца не будетъ;
Но я давно ужъ слышу пѣтуховъ,
А слуги всѣ храпятъ; — такъ прежде не бывало!
Будь проклята война: изъ-за нея
Теперь нельзя и слугъ побить порядкомъ.
А вотъ сынокъ ип разу не проснется;
Всю ночь себѣ безъ устали храпить,

Закутавшись въ пять теплыхъ одѣлъ. —
 Дай попытаюсь я вздремнуть немощко...
 Несчастнѣй я! заснуть я не могу...
 Издержки сына моего, его конюшня,
 Его долги мнѣ не даютъ покоя!
 А онъ? да онъ, свои завивши кудри,
 Катается верхомъ н.л. въ одноколкѣ.
 Да и во снѣ кошей онъ только видитъ...
 А между тѣмъ я, бѣдный, погибаю:
 Последняя треть мѣсяца идетъ:
 Пора платить долги.. Эй! мальчикъ, свѣчку
 И долговую книгу мнѣ подай.
 Дай посмотрю я тамъ, кому я долженъ
 И много-ли процентовъ паросю.
 Итакъ посмотримъ, сколько-же я долженъ? —
 Я долженъ Пасю двѣнадцать минъ... (1)
 Двѣнадцать минъ, и Пасю! за что-же?
 За лошадь, купленную у него...
 Ну, плохо! лучше-бъ камнемъ выбить глазъ!

ФИДИПИДЪ (св-просонкахъ).

Филонъ, не такъ: держись къ одной!...

СТРЕПСИДЪ.

Вотъ горе,

Вотъ это-то меня и погубило,
 Что и во снѣ онъ видитъ лошадей!

ФИДИПИДЪ.
 А много-ль колесницы пробѣжали?...

СТРЕПСИДЪ.

Ты своего отца бѣжать заставишь!...
 Но кромѣ Пасю кому я долженъ? —
 Я задолжалъ Амнию три минъ
 За одноколку и колеса.

ФИДИПИДЪ.

Лошадь

Сперва ты вывалил въ песокъ и послѣ
 Домой ее гони!

(1) Мина равнялась почти 23-мъ руб. серебр. на наши деньги.

СТРЕПСИАДЪ.

Ты самъ, мой сынъ,
 Меня изъ дому гонншь!... Часть долговъ
 Отдать я долженъ, а другимъ заимодавцамъ
 Я долженъ дать залогъ!...

ФИДИПИДЪ.

Что батюшка съ тобой?

Ночь цѣлую не спишь и съ боку на бокъ
 Ворочаешься ты?

СТРЕПСИАДЪ.

Меня Димархъ (2)

Долой съ постели гонитъ.

ФИДИПИДЪ.

Ну, такъ что-жь!

Ты самъ не спишь и мнѣ мѣшаешь спать!

СТРЕПСИАДЪ.

Пожалуй спи! но напередъ ты знай,
 Что всѣ долги тебѣ на шею сядутъ.
 Охъ, охъ, чтобъ лопнула та злая сваха,
 Которой вздумалось меня женить
 На матери его; я до женитьбы
 Жизнь скромную, простую велъ въ деревнѣ,
 Безъ прихотей и безъ причудъ я жилъ:
 Въ избыткѣ были у меня и пчелы,
 И маслины, и овцы; вдругъ потомъ
 Я, скромный селянинъ, жениться вздумалъ...
 Жениться! да на комъ? — на горожанкѣ,
 На дочери Мегакла, — и въ добавокъ
 Мегакла внучкѣ, женщицѣ роскошной,
 Изгѣженной, балованной, точь-въ-точь,
 Какъ знаменитая Кэсира (3)! и когда
 Я, иѣжась съ ней, лежалъ на брачномъ ложѣ,
 То отъ меня тогда несю виномъ,
 Овечьей шерстью и плодами, а она

(2) Димархи — чиновники, имѣвшие у себя списки должниковъ и за несправность платежа лишавшіе ихъ свободы.

(3) Кэсира — жена архонта Алкмеонада, извѣстна своєю роскошью и расточительностью.

Благоуханный запах разливала —
 Шафраномъ, мнромъ пахлю отъ нея, —
 И мучила она меня любовью,
 И поцѣлуямъ, и шегольствомъ,
 И пламеннымъ желаньемъ наслажденья!
 А впрочемъ не могу объ пей сказать,
 Чтобы она была лѣнива — пѣтъ:
 Весь день сидитъ и нитки лишь мотааетъ!
 И, глядя на нее, частенько я твердилъ:
 О, жезушка, смотри, все промотаешь!

СЛУГА.

Въ лампадѣ масла нѣтъ!

СТРЕПСИДЪ.

Постой,

Зачѣмъ ты толстую свѣтильню зажигаешь?
 Поди сюда! вотъ я тебя!

СЛУГА.

За что-же?

СТРЕПСИДЪ.

За то, чтобъ ты не смѣлъ такой свѣтильни дѣлать!
 Когда у насъ сыночекъ родился,
 То между мной и жезушкой моею
 Споръ начался, какъ сына намъ назвать;
 Она хотѣла дать такое имя,
 Чтобъ въ немъ все всадника узнать могли:
 Назвать его желала или Ксаптипомъ,
 Или Каллиппдомъ, или Харипомъ (4); я-же
 Хотѣлъ назвать младенца Фидондомъ,
 Въ честь дѣдушки его; и очень-долго
 Мы спорили, и наконецъ сошлись
 И парекли малютку Фидииндомъ.
 И маменька, взявъ на руки сына,
 Ему твердила: «Какъ я буду рада,
 Когда ты выростешь и, нарядясь,
 На колесницѣ ты поскачешь въ городъ,
 Какъ дѣдушка Мегакль.» А я твердилъ:
 «Дождусь-ли я, какъ ты, мой милый сынъ,

(4) Слово *иплоѣ* (лошадь) входитъ въ составъ этихъ именъ.

Нарядишься въ кожуху, п съ Филевса (5)
 Ты будешь козъ гонять, какъ твой отецъ!»
 Но онъ не слушался рѣчей моихъ,
 И лошади его мое имѣнье
 Разстроили въ конецъ.... Всю ночь я думалъ
 И наконецъ одно придумалъ средство:
 Я съ помощью его могу спастись....
 Лишь сына надобно теперь уговорить...
 Но прежде разбужу его тихонько...
 Но какъ-же? — Фидипидъ, дружочекъ мой!
 Встань, Фидипидушка!

Фидипидъ.

Что, батюшка?

Стрепсиадъ.

Ну, поцѣлуй меня и дай ручонку!

Фидипидъ.

На, вотъ!

Стрепсиадъ.

Скажи, ты любишь-ли меня?

Фидипидъ.

Люблю, клянуся коннымъ Посидономъ.

Стрепсиадъ.

Охъ, не клянись мнѣ коннымъ: этотъ богъ
 Виновинокъ бѣдъ моихъ; но если точно
 Отъ сердца любишь ты меня, такъ слушай...

Фидипидъ.

Послушаю.

Стрепсиадъ.

Исправься ты скорѣе

И послѣ ты иди тому учиться,

Чему я прикажу.

Фидипидъ.

Скажи скорѣе,

Чему?

(5) Филевса — гора въ Атикѣ.

СТРЕПСИАДЪ.

Послушасься ты меня?

ФИДИПИДЪ.

Послушаюсь, клянуся Діонсомъ!

СТРЕПСИАДЪ.

Такъ посмотри сюда: ты видишь тамъ
Окошечко и дверь?

ФИДИПИДЪ.

Ну, вижу — что-жъ такое?

СТРЕПСИАДЪ.

Тамъ мѣсто мѣшленья для мудрыхъ душъ;
Тамъ обитаютъ мужи, и они
Всѣмъ говорятъ, что небо точно печка
Насъ окружаетъ отовсюду, мы-же
Въ ней уголья; и эти мудрецы,
Когда имъ денегъ дать, тому научатъ,
Что языкомъ всегда возьмешь ты верхъ,
И правое неправымъ ты представишь!

ФИДИПИДЪ.

Да кто-жъ они?

СТРЕПСИАДЪ.

Я ихъ именъ не знаю,

Но только мудрецы добрые они.

ФИДИПИДЪ.

Та-та!.. прескверные, я всѣхъ ихъ знаю:
Ты говоришь объ этихъ худошавыхъ,
Босыхъ и блѣднолицихъ, у которыхъ
Начальники Сократъ и Хересонъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Тсъ-тсъ, молчи, и вздора не болтай!
Но если ты отцу добра желаешь,
То отиравайся къ нимъ и брось коней!

ФИДИПИДЪ.

Нѣтъ, не пойду, клянусь въ томъ Діонсомъ,
Хотя-бъ ты далъ фазановъ Леогора ^(с).

(с) *Леогоръ* — лицо, известное своимъ обжорствомъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Прошу тебя, дружокъ, иди учиться!

ФИДИПИДЪ.

Чему?

СТРЕПСИАДЪ.

Они, какъ говорятъ, научатъ
Двумъ разсужденьямъ: несправедливымъ
И сираведливимъ; съ помощію первыхъ
Ты можешь выиграть любую тяжбу;
Итакъ, когда ты будешь это знать,
То я изъ всѣхъ твоихъ заимодавцевъ
Ни одному овола (7) не отдамъ.

ФИДИПИДЪ.

Не соглашусь: вѣдь послѣ будетъ стыдно
Предъ всадниками показаться съ блѣдной
И вытянутой рожей!

СТРЕПСИАДЪ.

Если такъ,
То я клянусь Церерой, ни тебя,
Ни лошадей твоихъ кормить не стану,
Да и тебя и ихъ я прогоню. (8)

ФИДИПИДЪ

Мой дядюшка, Мегаклъ, безъ лошадей
Меня конечно не оставитъ: я иду къ нему
И всѣ твои угрозы презираю!

(Уходитъ.)

(Очевидно, что сцена должна переимениться, потому - что Стрепсиадъ стоитъ предъ домомъ Сократа.)

СТРЕПСИАДЪ.

Кто разъ упалъ, такъ тотъ не побѣжденъ.
И, помолясь, учиться я отправлюсь;
Но мнѣ-ли, старикку, съ тупымъ разсудкомъ,

(7) Оволъ — афинская монета, равнявшаяся 15-ти копейкамъ.

(8) Ст. 129.

Съ разслабленною памятью, постичь
 Всѣ топки науки? Но пойду!
 Что медлить! постучусь я въ двери! Малый!

Ученикъ.

Провалъ тебя возьми! Кто тамъ стучится?

Стрепсиадъ.

Я, Стрепсиадъ, я сынъ Фидона изъ Кикипы.

Ученикъ.

Клянусь тебѣ Зевесомъ, ты нахаль!
 За-чѣмъ такъ сильно ломишься ты въ двери?
 Ты помѣшалъ понятіе родить?

Стрепсиадъ.

Прости меня, я житель деревенскій;
 Но расскажи, какое-же понятіе
 Я помѣшалъ тебѣ родить?

Ученикъ.

Нельзя,

Однимъ ученикамъ возможно это знать!

Стрепсиадъ.

Такъ смѣло говори — я тоже къ вамъ
 Пришолъ премудрости учиться.

Ученикъ.

Слушай!

Я расскажу тебѣ, но только знай,
 Что это тайной будетъ между нами.
 Сейчасъ Сократъ спросилъ у Херефона,
 Какъ думаетъ онъ, сколько пядей блохиныхъ
 Содержится въ скочкѣ блохи? Замѣть,
 Что, укусивши Херефона въ бровь,
 Она па лобъ къ Сократу вдругъ прыгнула.

Стрепсиадъ.

И это онъ узналъ?

Ученикъ.

Весьма-хитро:

Поймалъ блоху и растопивши воску,
 Въ него ея онъ лапку окунулъ;

Когда-же воскъ остылъ, тихонько съ лапки
Снялъ восковой башмакъ и послѣ имъ
Измѣрилъ разстоянье.

СТРЕПСИАДЪ

Зевсъ!

Какая тонкость разума!

УЧЕНИКЪ.

Постой,

Что скажешь ты, какъ я тебѣ скажу
Другую выдумку Сократа?

СТРЕПСИАДЪ.

Ахъ,

Скажи.

УЧЕНИКЪ.

Разъ Херсифопъ спросилъ Сократа,
Чѣмъ комары поютъ, ртомъ или задомъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Ну, хорошо! что онъ сказалъ?

УЧЕНИКЪ.

Вотъ что:

У комара кишка весьма узка,
И воздухъ чрезъ нея съ трудомъ проходить,
И слюю своею онъ шумитъ

СТРЕПСИАДЪ.

Итакъ

Комаръ поетъ не ртомъ своимъ, а задомъ!
Какъ тотъ блаженъ, кто могъ постигнуть это!
Сомнѣнья нѣтъ, чтобъ тотъ, кто могъ познать
Устройство комара, чтобъ тотъ не могъ
Любую тяжбу выиграть! . . .

УЧЕНИКЪ.

На-последокъ,

Скажу тебѣ, что ящерица разъ
Его лишила чуждой мысли. (9)

(9) Ст. 160.

СТРЕПСИДЪ.

Какъ,

Скажи!

УЧЕНИКЪ.

Ну, слушай: какъ однажды ночью,
Разпнувъ ротъ, глаза поднявши къ небу,
Опъ наблюдагъ теченіе луны,
А ящерица вдругъ съ верхушки кровли
Ему упала на лицо....

СТРЕПСИДЪ.

Забавно!

И послѣ этого Фалесу мы дивимся!
Въ училище мнѣ двери отвори,
Впусти скорѣе, покажи Сократа:
Хочу учиться! отвори - же двери! *(Дверь отсоряется и видна
внутренность училища.)*
О Геркулесъ! да это что за твари?

УЧЕНИКЪ.

Чему-жъ дивишься ты? и на кого,
Ты думаешь они похожи?

СТРЕПСИДЪ.

Полагаю,

Что это плѣвные Лакопцы изъ Пилоса. ⁽¹⁰⁾
Скажи, за-чѣмъ они всё въ землю смотрять?

УЧЕНИКЪ.

Они находятъ то, что есть въ землѣ!

СТРЕПСИДЪ.

Такъ, вѣрно, рѣбу ищуть! Не трудитесь:
Я знаю, гдѣ отличная растеть.
Но для чего-жъ такъ скорчилишь они?

УЧЕНИКЪ.

Они хотять пропикнуть въ мрачный Тартаръ.

(10) Пилосъ — выѣшній Наваринъ.

СТРЕПСИАДЪ.

За-чѣмъ спипами къ пѣбу обратилсь?

УЧЕНИКЪ.

Ихъ спипы сами по себѣ слѣдятъ
За ходомъ звѣздъ. (*Къ другимъ ученикамъ.*) Но вы войдете,
Чтобы васъ здѣсь учитель не засталъ!

СТРЕПСИАДЪ.

Нѣтъ, погодите: пусть останутся они;
Я кое-что имъ сообщить собираюсь.

УЧЕНИКЪ.

Они не могутъ долго быть внѣ дома.

СТРЕПСИАДЪ.

Я именовъ боговъ прошу тебя, скажи,
Что это? (*Показывая на глобусъ.*)

УЧЕНИКЪ.

Это Астрономія!

СТРЕПСИАДЪ.

А это? (*показывая на математическіе инструменты.*)

УЧЕНИКЪ.

Это Геометрія!

СТРЕПСИАДЪ.

Къ чему-жъ она?

УЧЕНИКЪ.

Чтобъ землю измѣрять!

СТРЕПСИАДЪ.

Какую? не уже-ли ту, что намъ
По жеребю достается? ⁽¹¹⁾

УЧЕНИКЪ.

Нѣтъ!

Всю землю вообще.

(11) Завоеванная земля дѣлилась между бѣдными гражданами по жеребю.

СТРЕПСИАДЪ.

Вотъ это славно!

Вотъ выдумка, пріятная народу!

ученикъ (показывая на ландкарту).

Смотри, вотъ вся земля! Аонны видишь?

СТРЕПСИАДЪ.

Что ты сказалъ? я ничему не вѣрю:

Не вижу я судейскихъ засѣданій! (12)

ученикъ.

Пусть такъ, но это Атики земля!

СТРЕПСИАДЪ.

Но гдѣ-же родина моя Кикина?

ученикъ.

Вотъ и она! А здѣсь вотъ и Евбея.

СТРЕПСИАДЪ.

Периклъ и вы ее порядкомъ растянули. (13)

ученикъ.

А вотъ и Лакедэмонъ!

СТРЕПСИАДЪ.

Лакедэмонъ!

Чтобъ постараться вамъ, какъ можно дальше

Его отъ насъ отвинуть!

ученикъ.

Невозможно!

СТРЕПСИАДЪ.

Раскается! бѣды не мнновать.

Но это что за человекъ въ корзинѣ

Виситъ на воздухѣ?

ученикъ.

Да это онъ!

(12) Насмѣшка надъ привязанностію Аонинъ къ судамъ и тлжбамъ.

(13) Ст. 213. *παρατάθη* значить быть растянутымъ и также быть мучимымъ.

Кто онъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Сократъ!

УЧЕНИКЪ.

СТРЕПСИАДЪ.

Сократъ! зови его!

УЧЕНИКЪ.

Зови ты самъ! мнѣ некогда!

СТРЕПСИАДЪ.

Сократъ!

Сократушка! (14)

СОКРАТЬ.

За-чѣмъ зовешь, ничтожный?

СТРЕПСИАДЪ.

7004. Прощу тебя, скажи мнѣ папередь,

Что ты тамъ дѣлаешь?

СОКРАТЬ.

По воздуху парю

И солнце наблюдаю!

СТРЕПСИАДЪ.

Но за-чѣмъ

Не на землѣ стоишь, а изъ корзины

Взираешь на боговъ?... что, если.....

СОКРАТЬ.

Не могъ-бы я небеснаго постичь,

Когда-бы я не взвѣшивалъ разсудка

И не мѣшалъ моихъ тончайшихъ знаній

Съ подобнымъ имъ зоромъ; если-бъ я

Съ земли смотрѣлъ на высшіе предѣлы,

Я не открылъ-бы ничего; земля

Втянула-бы въ себя всю влажность мысли,

Какъ губка втягиваетъ воду.

(14) Ст. 222. *Σωκρατίδων* — окончательное явленіи уменьшительнаго.

СТРЕПСИДЪ.

Какъ,

Мысль втягиваетъ воду въ губку! Умоляю
Тебя, Сократъ, сойди ко мнѣ скорѣе,
Учи меня желаемой наукѣ!

(Сократъ вылезаетъ изъ корзины.)

СОКРАТЪ.

За-чѣмъ пришелъ?

СТРЕПСИДЪ.

Учиться говорить!

Ростовщики и всѣ заимодавцы
Меня преслѣдуютъ и разоряютъ,
Хотягь мопмъ имѣньемъ завладѣть!

СОКРАТЪ.

За-чѣмъ-же ты былъ такъ неостороженъ,
Что множество надѣлать могъ долговъ?

СТРЕПСИДЪ.

Любовь къ конямъ, проклятая любовь
Меня разстроила; ты разсужденю
Такому научи меня, чтобъ я,
При помощи его, долговъ могъ не платить.
Какую цѣпу хочешь взять? — я дамъ,
И въ этомъ я клянусь тебѣ богами.

СОКРАТЪ.

Какими-же богами ты клянешься?
Ты знай, что божество у насъ не дѣбно.

СТРЕПСИДЪ.

Такъ чѣмъ-же клясться? не желѣзными-жъ богами,
Какъ Византійцы!

СОКРАТЪ.

Хочешь знать вполнѣ
Небесное, постичь его всю сущность?

СТРЕПСИДЪ.

Да, если только можно постигать!

СОКРАТЪ.

Поговорить ты хочешь съ облаками,
Богами нашими?

СТРЕПСИДЪ.

Весьма хочу.

СОКРАТЬ.

Сядь на священную скамью!

СТРЕПСИДЪ.

Слжу!

СОКРАТЬ.

Возьми вѣнецъ и на чело надѣнь!

СТРЕПСИДЪ.

Къ чему-жь вѣнецъ? Сократъ, ты, вѣрно, хочешь
 Меня, какъ Атаманта, заколотъ? ⁽¹⁵⁾

СОКРАТЬ.

Не бойся ничего: съ непосвященнымъ
 Всегда мы поступаемъ такъ.

СТРАНСИДЪ.

Постой!

Какая-жь отъ того мнѣ будетъ польза?

СОКРЕТЬ.

Да тѣ, что на словахъ ты будешь быстръ,
 Какъ колесо, или мельница, какъ колосъ
 Остеръ ты будешь, только будь смирѣе.

СТРЕПСИДЪ.

Клянуся Зевсомъ, ты не лжешь, и сени

Еще муки посыплешь на меня,

То буду я не колосомъ — лепешкой! ⁽¹⁶⁾

СОКРАТЬ.

Молчи, старикъ! съ благоговѣниемъ слушай

Мою молитву: Безконечный воздухъ,

Властитель нашъ, блистающій эопръ,

⁽¹⁵⁾ Намѣшка надъ пѣсней Софокла, въ которой Атаманту, обреченному на жертву, надѣли вѣнецъ.

⁽¹⁶⁾ Лепешки, которыя приносили на жертву богамъ, посыпали мукою.

Со всѣхъ сторонъ кругомъ объявѣишь землю!
 Явитесь вы, святые облака,
 Рождающія молніи и громы,
 Явитесь вы предъ зрителемъ воздушнымъ!»

СТРЕПСИАДЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! постой, постой, ты мнѣ позволи
 Сперва закутаться, а то замочать.
 Ахъ, я глупецъ, забылъ я шапку взять!

СОКРАТЬ.

Грядите, облака, и смертному явитесь,
 Идите вы съ святыхъ вершинъ Олимпа,
 Покрытаго снѣгами; поднимитесь
 Изъ океана и пачните пляски
 Въ честь Нимфъ, и вы, что чашами златыми
 Близъ устій Нила черпаете воду,
 И въ, живущія у Месотійскихъ тундръ,
 И на вершинахъ снѣжнаго Миманта! (17)
 Вы жертвы пріимите, и внемлите
 Моимъ молитвамъ испрительнымъ!

ХОРЪ.

Поднимемся мы, облака блаженныя,
 Изъ волнъ шумящихъ океана,
 Дающаго намъ жизнь; взойдемъ
 На темя горъ, покрытыхъ лѣсомъ,
 Посмотримъ, какъ за цѣпью горъ
 Бѣгутъ ручьи на плодоносной почвѣ.
 Послушаемъ, какъ волны моря
 О берегъ съ шумомъ ударяютъ!
 Эонра око свѣтлыми лучами
 Блеститъ всегда: разгопимъ мракъ
 Нависшихъ тучъ, и въ вѣчномъ блескѣ
 Мы явимся очамъ вселенной!

СОКРАТЬ.

Вы, облака, моимъ молитвамъ вняли!
 А ты? ты слышишь-ли священный голосъ,
 Сопровождаемый и молніей, и громомъ!

(17) Мимантъ — гора въ Іоніи.

СТРЕПСІАДЪ.

О, слышу я божественный вашъ голосъ!
И громомъ собственнымъ хочу вамъ отвѣчать,
Испуганъ я!... итакъ позволъ-же мнѣ...
Теперь не до приличія!...

СОКРАТЬ.

Благоговѣй,

Старикъ, и не кощунствуй, какъ газры!
Молчи, вотъ съ пѣниемъ, въ сонмѣ славномъ,
Сюда несутся облака, смотри!

ХОРЪ.

О, облака росяныя,
Скорѣй пойдемъ и поглядимъ
На плодоносную страну Паллады,
На землю Кекропса, гдѣ много
Мужей великодушныхъ было.
Блаженный край! тамъ совершаютъ
Святыя тайны, тамъ увидимъ
Особый храмъ для посвященныхъ,
И жертвы жителямъ Олимпа,
Кумиры ихъ и храмы ихъ!
Обряды тайные и приношенья,
И празднества, весною тамъ
Веселіе заводитъ Бахусъ,
И хоры шумные поютъ,
И звонко флейты раздаются!

СТРЕПСІАДЪ.

Скажи, Сократъ, Зевесомъ заклинаю,
Скажи, кто эти женщины? (18) оупъ
Поютъ такъ чудно: не богини-ль это?

СОКРАТЬ.

Нѣтъ! это облака небесныя!
Людей лѣнивыхъ божества, они
Даютъ намъ мысль, понятие и разсудокъ,
И учатъ насъ болтать, хитрить и хвастать.

(18) *Νεφέλαι* (облака) на греческомъ языкѣ въ женскомъ родѣ, а потому и являются они въ видѣ женщинъ.

СТРЕПСИАДЪ.

По этому-то и душа моя,
Ихъ слушая, какъ будто окричилась,
И уже хочеть спорить о вещахъ,
Которыя, какъ дымъ, неуловимы,
И заключенье заключеньемъ подкрѣпляя,
Всему противорѣчить хочеть!
Хочу я видѣть эти божества,
Когда возможно это.

СОКРАТЬ.

Посмотри

Сюда къ-горѣ Парнесу; (19) я ужъ вижу
Какъ медленно спускаются они!

СТРЕПСИАДЪ.

Да гдѣ же? покажи!

СОКРАТЬ.

Да вотъ,

Они оттоль плутъ сюда тольною
Чрезъ эти рощи и равнины.

СТРЕПСИАДЪ.

Гдѣ-же?

Я ихъ не вижу!

СОКРАТЬ.

Да вотъ, здѣсь, при входѣ. (20)

СТРЕПСИАДЪ.

А! чуть-чуть ихъ начинаю видѣть.

СОКРАТЬ.

Но если ужъ теперь не видишь ихъ,
То у тебя должны быть бѣзма на глазахъ,
Величною съ тыкву.

СТРЕПСИАДЪ.

Нѣтъ! я вижу,

Они окрестность всю совсѣмъ закрыли.

(19) Гора въ Атикѣ.

(20) *Εἰσοδοί*, при входѣ, откуда долженъ былъ выйти хоръ облаковъ.

СОКРАТЬ.

Но считаешь ли ты ихъ богами?

СТРЕПСИДЪ.

НѢТЬ!

Сказать по правдѣ, я считаю ихъ
За дымъ, туманъ или росу.

СОКРАТЬ.

О, нѢТЬ!

Но знай ты, смертный, что они питаютъ
Софистовъ, прорицателей Турійскихъ,
Длиноволосыхъ тѣхъ лѣтитяевъ, у которыхъ
Всѣ пальцы перстнями отягчены,
Всѣхъ сочинителей народныхъ хоровъ,
Обманщиковъ, гадающихъ по небу,
И празднолюбцевъ тѣхъ они питаютъ,
Которые въ стихахъ ихъ славятъ....

СТРЕПСИДЪ.

Не за то-ль,

Что тѣ въ своихъ плохихъ стихахъ поютъ
И влажныхъ облаковъ полетъ ужасный,
И молнии ихъ — стоголаваго Тифона
Разстрепанные волосы, и бури,
Которыя, какъ стаи хищныхъ птицъ,
Летятъ по воздуху и тонуть въ облакахъ,
И бѣгъ дождей изъ влажныхъ тучъ. ⁽²¹⁾
И за прекрасные стихи обильно
Бьютъ дроздовъ и лучшихъ рыбъ?

СОКРАТЬ.

И ѣсть

Они имѣютъ право за труды!

СТРЕПСИДЪ.

Но объ одномъ скажи теперь мнѣ, если
Они и въ-правду облака, за чѣмъ
Они преобразились въ женщинъ?
На-дѣлѣ вѣдь не женщины они.

⁽²¹⁾ Пародія дидрамбическаго слога.

Облака

СОКРАТЬ.

Да кто-жь они?

СТРЕПСИДЪ.

Ну, этого сказать я не умѣю;
 Но кажется, что болѣе они
 Похожи на охлопки шерсти и у нихъ
 Нѣтъ сходства съ женщинами.... а у этихъ
 Что за носы!

СОКРАТЬ.

Сперва на мой вопросъ

Ты отвѣчай.

СТРЕПСИДЪ.

Я буду отвѣчать.

СОКРАТЬ.

Видають-ли ты, на небо посмотрѣвши,
 Что облака становятся похожи
 Иль на вола, иль волка, иль кентавра,
 Иль леопарда?

СТРЕПСИДЪ.

Безъ сомнѣнья, видѣть.

СОКРАТЬ.

Они, въ какихъ ни пожелаю-бъ видахъ,
 Явятся могутъ; если вдругъ увидятъ
 Развратника съ косматою грудью, на-примѣръ
 Хоть сына Ксенофанта, (*) въ тотъ-же мигъ
 Они, чтобъ осмѣять его привычки,
 Въ кентавровъ обратятся.

СТРЕПСИДЪ.

А когда

Увидятъ хищника богатствъ народныхъ,
 Какъ Сѣмонъ, (23) на-примѣръ, что сдѣлаютъ они?

СОКРАТЬ.

Чтобы его привычки обозначить,
 Они волками кажутся.

(24) Сынъ Ксенофанта, Г'геронимъ, диопримбическій поэтъ.

(25) Симона укоряли въ томъ, что онъ похитилъ сокровища въ Геракѣ.

СТРЕПСИАДЪ.

Такъ вотъ

За-чѣмъ вчера, завидя Клеонима, (24)
 Который въ страшной битвѣ бросилъ щитъ,
 Они тотчасъ въ оленей превратились.

СОКРАТЬ.

А вотъ теперь они Клизоена (25) видятъ,
 По этому и жепщинами стали.

СТРЕПСИАДЪ.

Привѣтствую васъ, боги! если вы
 Хоть разъ для смертнаго молчанья прерывали,
 Такъ удостойте и меня услышать
 Божественной вашъ голосъ.

ХОРЪ.

Старецъ,

Прожившій очень много дней,
 Желаящій извѣдать мудрость,
 Возвеселись! и ты, дурачество
 Почтенный жрецъ! повѣдай намъ
 Свои желанья: изъ софистовъ,
 Гадающихъ по звѣздамъ — ты
 И Продику (26) все получите отъ насъ:
 Онъ за познанія и разумъ,
 А ты за гордую походку,
 За важный взглядъ и за терпѣнье
 Всегда ходить босымъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Земля!

Божественный, чудесный голосъ слышу!

СОКРАТЬ.

Они одни лишь боги, остальное —
 Ничто.

(24) Клеонимъ былъ известный трусъ.

(25) Клизоевъ, въ некоторыхъ случаяхъ, замѣнялъ жепщины.

(26) Продикъ известный учитель риторики.

СТРЕПСИАДЪ.

А Зевсъ - то Олимпійскій развѣ
Не богъ онъ?

СОКРАТЬ.

Что за Зевсъ! ты шутишь: Зевса ибѣть.

СТРЕПСИАДЪ.

Это говориши. Да кто - же посылаетъ дождь?
Скажи ты мнѣ!

СОКРАТЬ.

Они — и это
Я ясно докажу тебѣ: когда
Ты видѣлъ дождь безъ облаковъ? А если
Дождь посылаетъ Зевсъ, то онъ-бы могъ
Послать его и въ ясную погоду,
Безъ облаковъ!

СТРЕПСИАДЪ.

Ахти! вѣдь это правда,
Клянуся Аполлономъ! а я прежде
Предполагалъ, что Зевсъ сквозь рѣшето
На землю дождикъ леть; но расскажи,
Откуда громъ? Когда его слышу
Я весь дрожу...

СОКРАТЬ.

Отъ облаковъ; они
Гремятъ, катаясь другъ на дружку.

СТРЕПСИАДЪ.

Смѣльчакъ! да полно, такъ-ли это?

СОКРАТЬ.

Когда они наполняются водой
И движутся въ воздушной вышнѣ,
То тяжесть ихъ должна необходимо
Заставить ихъ толкаться межъ собой —
Они ударятся и съ трескомъ лопнуть.

СТРЕПСИАДЪ.

Кто-жъ двигаетъ и кто толкаетъ ихъ?
Я думаю, что Зевсъ.

СОКРАТЬ.

Не Зевсъ — а Вихрь!

СТРЕПСИДЪ.

Какъ, Вихрь? а я до-сей-поры не звалъ,
 Что Зевса итъ, и что въ замѣнь его,
 Вихрь править всёмъ. Но ты не объясниль,
 Откуда громъ?

СОКРАТЬ.

Да развѣ ты не слышалъ,
 Что если облака наполнятся водой,
 То, упадая другъ на друга, по причинѣ
 Уиругости своей, должны произвести
 И трескъ, и шумъ.

СТРЕПСИДЪ.

Но чѣмъ-же ты докажешь?

СОКРАТЬ.

Вотъ ты сей часъ узнаешь изъ примѣра:
 Когда на праздникахъ Панаонейскихъ (27)
 Наѣшься ты говядины, то вдругъ
 Почувствуешь ты колотье въ желудкѣ:
 То развѣ тамъ не слышишь ты бурчанья?

СТРЕПСИДЪ.

Конечно слышу; колотья тогда
 Меня ужасно мучать, и въ желудкѣ
 Я слышу страшный шумъ и громъ...

СОКРАТЬ.

Ну, если

Твое презрѣнное, простое чрево
 Бываетъ въ состоянн такъ гремѣть,
 Тѣмъ болѣе неизмѣримый воздухъ
 Не долженъ-ли порой трещать?... И такъ
 Бурчаніе и громъ одно и тоже?

СТРЕПСИДЪ.

Но вотъ что расскажи мнѣ: отъ-чего

(27) Празднества Панаонейскія совершались въ честь богини Атены.

Одинъ разъ молнія ударитъ и убьетъ,
 Другой разъ опалитъ, но жизнь оставитъ?
 Когда подумаешь, то очевидно,
 Что Зевесъ караетъ ея печестивыхъ.

СОКРАТЬ.

Ты, просто, глупъ, — ты современникъ Крона,
 Ты выходецъ съ другаго свѣта; если
 Зевесъ разилъ-бы ея печестивыхъ,
 То, вѣрно, онъ давнымъ давно-бъ убилъ
 Теора, Симона и Клеонима:
 Они все печестивцы; между-тѣмъ
 Они все живы; по свои же храмы,
 Сунійскіи мысы и вѣковые дубы
 Онъ поражаетъ молнией, и за что?
 Вѣдь дубъ, я думаю, грѣшить не можетъ!

СТРЕПСИДЪ.

Я самъ не знаю; впрочемъ полагаю,
 Что ты мнѣ истину сказалъ; итакъ
 Чтѣжъ молнія?

СОКРАТЬ.

Когда до облаковъ
 Поднимется сухой и легкій вѣтеръ,
 То онъ ихъ раздуваетъ, какъ пузырь,
 И разрываетъ ихъ упругостью своею,
 Тогда онъ вырывается съ стремленьемъ,
 Отъ быстроты движенія самъ по себѣ
 Воспламеняется?

СТРЕПСИДЪ.

Да, это правда;
 Со мною это было въ праздникъ Зевса:
 Я началъ жарить для моей семьи
 Баранину, и позабылъ я выпнуть
 Пузырь; вотъ онъ раздулся и вдругъ лопнулъ,
 Въ глаза мнѣ прыснуло и обожгло лицо.

ХОРЪ.

О ты, который такъ желаешь
 Извѣдать мудрость, будешь ты
 Счастливейше всехъ Грековъ и Аѳинянъ,

Когда стараньемъ и заботой
 Ты память укрѣпишь, и если
 Терпѣниемъ свой духъ вооружишь;
 Когда не будешь уставать
 Ни отъ ходьбы, ни отъ работы,
 Привыкнешь къ стужѣ и желудокъ
 Ты къ воздержанью приучишь,
 Когда не будешь пить вина,
 Не будешь посѣщать ристаній
 И пустяками заниматься,
 Когда, какъ умный человекъ,
 Одной лишь пожелаешь славы,
 Чтобъ отличиться передъ всѣми
 Благоразумнымъ поведеньемъ,
 И мудрыми уловками въ рѣчахъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Когда вамъ нужны: духъ песокрушимый,
 Простой и небалованный желудокъ,
 Который-бы одной травой доволенъ былъ,
 То я для этого себя вамъ предлагаю:
 Я все терпѣть могу, и даже спину
 Готовъ подставить вмѣсто наковальни.

СОКРАТЪ.

Клянись не признавать другихъ боговъ, —
 Однихъ лишь нашихъ: Облака, Языкъ и Хаосъ,
 Вотъ божества!

СТРЕПСИАДЪ.

Клянусь, что никогда
 И говорить не стану о другихъ,
 И даже если-бы сошелся на дорогѣ
 Съ однимъ изъ нихъ, то даже и тогда
 Онъ не получитъ отъ меня ни жертвы,
 Ни возліяній, ни даровъ!

ХОРЪ.

Теперь

У насъ просить съ увѣренностью можешь
 Всего, чего-бы ты ни пожелалъ:
 Ты все отъ насъ получишь, если только

Насъ считаешь и дивишься намъ,
И если мудрымъ быть желаешь!

СТРЕПСІАДЪ.

О боги! я у васъ не многого прошу:
Чтобъ въ краснорѣчїи отъ всѣхъ Аоніянцъ
На сотню стадїи я ушелъ впередъ.

ХОРЪ.

На это мы согласны, и отыишъ
Тебя никто, въ собранїяхъ народныхъ,
Не превзойдетъ въ изяществѣ рѣчей.

СТРЕПСІАДЪ.

Нѣтъ, не въ изяществѣ, не этого желаю!
Хочу я знать лишь тѣ однѣ уловки,
При помощи которыхъ могъ-бы я
Избавиться отъ всѣхъ заимодавцевъ.

ХОРЪ.

Такъ будетъ сдѣлано, какъ ты желаешь.
Умѣренны желанїя твои; теперь
Съ довѣренностью ты предайся нашимъ
Жрцамъ.

СТРЕПСІАДЪ.

Исполню ваше приказанье:

Необходимость все заставить сдѣлать;
Женитьба, лошади меня сгубили;
Пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ;
Въ ихъ власть я только отдаюсь: пусть бьютъ,
Пусть голодомъ морятъ, пусть жаждой мучатъ,
Пусть жарятъ, пусть морозятъ, пусть они
Сдерутъ съ меня хоть кожу на мѣхи,—
Я все стерплю, чтобъ не платить долговъ.
Пускай я просльву вездѣ нахаломъ,
Безстыдникомъ, буяномъ, гордецомъ,
Обманщикомъ, вралемъ, невѣжей, плутомъ,
Лжецомъ, мошенникомъ и забіякой,
Пусть говорятъ, что, какъ лисица, я хитеръ,
Что я готовъ на все, что я уступчивъ,
Какъ рукавица, и, какъ угорь, скользокъ,
Что я притворщикъ, вѣтренникъ, бездѣльникъ,

Безчувственный ко всёму и изоблюдо,
Пусть всякій встрѣчный это скажетъ,
Лишь-бы наставники довольны были мной;
И если вздумаютъ они, — клянусь Церерой! —
Даюсь, пусть жилы тянутъ изъ меня.

ХОРЪ.

О, этотъ человекъ имѣетъ твердость,
И онъ на все отважиться готовъ.
Ученіе, котораго ты жаждешь,
Тебя съ земли возвыситъ до небесъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Да чтожь со мною будетъ? —

ХОРЪ.

Проведешь

Остатокъ дней въ блаженной жизни съ нами.

СТРЕПСИАДЪ.

Когда-же я увижу это счастье?

ХОРЪ.

Когда народъ передъ твоею дверью
Толпиться будетъ, всё на-перерывъ
Стараться будутъ видѣться съ тобою,
Чтобъ толковать о затруднительныхъ дѣлахъ
И въ тяжбахъ попросить совѣта.
И много за труды они тебѣ дадутъ!

(Къ Сократу.)

Но начинай-же старика учить,
Узнай способности его и силы.

СОКРАТЪ. (Стрепсиаду.)

Передо мной ты покажи свой нравъ,
Чтобы я могъ орудіе направить.

СТРЕПСИАДЪ.

Орудіе! никакъ ужъ ты сражаться хочешь?

СОКРАТЪ.

Нѣтъ, я хочу узнать, имѣешь-ли ты память.

СТРЕПСИАДЪ.

Ну, не всегда: такъ, если мнѣ кто долженъ,
То помню я, а если я должникъ,
Такъ я объ этомъ часто забываю.

СОКРАТЬ.

Имѣешь-ли способность къ краснорѣчью?

СТРЕПСИАДЪ.

Не къ краснорѣчью, а къ обману,

СОКРАТЬ.

Какъ-же

Учиться хочешь ты?

СТРЕПСИАДЪ.

Не беспокойся,

Смогу!

СОКРАТЬ.

И такъ, когда я сообщу
Понятіе о сущности небесной,
То ты хватай его.

СТРЕПСИАДЪ.

Да, развѣ мудрость
Хватать я долженъ, какъ собака, мясо.

СОКРАТЬ.

Вотъ человекъ и грубъ и неучепъ.
Боюсь, не обойтись мнѣ съ нимъ безъ плетей.
Посмотримъ. (*Стрепсиаду*) Что будешь дѣлать, если
Тебя-бы стали бить?

СТРЕПСИАДЪ.

И бить себя позволю,
Потомъ свидѣтелей возьму и съ ними
Пойду я въ судъ.

СОКРАТЬ.

Ну, это хорошо!
Теперь долой все платье.

СТРЕПСИАДЪ.

Я не провинился!

СОКРАТЬ.

Нѣтъ; но обычаи требуютъ, чтобъ голый
Сюда вошелъ.

СТРЕПСИДЪ.

Вѣдь я не шелъ сюда
Для обыска. ⁽²⁸⁾

СОКРАТЬ.

Сбрось обувь, — что за разговоры!

СТРЕПСИДЪ.

Одно лишь слово: если буду я
Ученикомъ прилежнымъ и учиться
Я стану съ рвеніемъ, то на кого
Изъ всѣхъ твоихъ учениковъ я буду
Похожъ?

СОКРАТЬ.

На Херифона.

СТРЕПСИДЪ.

О несчастный,

Бродить я буду, какъ мертвецъ!

СОКРАТЬ.

Молчи,

И съ этой стороны иди за мною!

СТРЕПСИДЪ.

Но прежде дай медовую лепешку;
Вхожу сюда съ такимъ ужаснымъ страхомъ,
Какъ будто-бы въ Трофоньеву ⁽²⁹⁾ пещеру.

СОКРАТЬ.

Ступай, зачѣмъ ты мѣшкаешь у двери?

хоръ.

Иди съ увѣренностью! Пусть успѣхи
Вознаградятъ старанье старика:
Ему не помѣшалъ преклонный возрастъ

⁽²⁸⁾ Приходившій для обыска долженъ былъ снять съ себя плаще.

⁽²⁹⁾ Въ Трофоніевой пещерѣ было множество змѣй, и чтобы укротить ихъ, входящій бросалъ имъ медовыя лепешки.

Наукой новой укрѣплять разсудокъ
И въ мудрости полезной упражняться.

ПАРАБАЗЪ.

ХОРЪ.

Вамъ, зрители, клянусь я Діонисомъ, ⁽³⁰⁾
 Всю правду выскажу, я очень бы желалъ
 Быть побѣдителемъ; хотѣлъ-бы я
 Прослыть за славнаго поэта; зная,
 Что вы умѣете труды цѣнить,
 Увѣренъ я, что этотъ трудъ,
 Который я такъ тщательно работалъ,
 Удачѣе изъ всѣхъ моихъ трудовъ.
 Я первымъ вамъ его рѣшилъ показать;
 Но въ первый разъ соперниками я
 Былъ побѣжденъ. И жалобу мою
 На сдѣланную мнѣ несправедливость
 Вамъ, зрители, теперь я приношу.
 Но эта неудача не могла
 Мнѣ воспрепятствовать, чтобы я не цѣнилъ
 Сужденіе людей достойныхъ, и съ-тѣхъ-поръ
 Какъ мой «Гуляка» и мой «Скромный» отъ еудей,
 Которые разсматривали ихъ,
 Благопріятный отзывъ получили,
 Я вамъ представилъ и другой мой трудъ.
 Какъ дѣва, я не могъ его назвать
 Моимъ плодомъ; ⁽³¹⁾ онъ былъ усыновленъ
 Другимъ, и вы съ большимъ благоволеньемъ
 Смотрѣли на него; и съ-той-поры
 Я сталъ надѣяться на ваше енисхожденъе.
 Сегодня я комедію мою
 Представилъ вамъ на судъ и, какъ Електра,
 Она своихъ друзей глазами ищетъ,
 И брата своего узнаеть по причоскѣ. ⁽³²⁾

⁽³⁰⁾ Діонисъ или Вакхъ былъ покровителемъ драматическихкихъ поэтовъ.

⁽³¹⁾ Въ Афинахъ сочинитель не имѣлъ права выдавать произведенія подъ своимъ именемъ, какъ только по достиженіи тридцати или сорока-лѣтняго возраста.

⁽³²⁾ Наслѣшка наъ Хорфорами Эсхила.

Замѣтте цѣломудріе ся:
 Опа, безъ неприличныхъ украшеній, ⁽³³⁾
 Надъ лысыми не любитъ насмѣхаться,
 Не пляшетъ кордакса, ⁽³⁴⁾ и старика,
 Который, говоря надутые стихи,
 Чтобъ смѣхъ поднять, всѣхъ встрѣчныхъ палкой бьетъ,
 Опа предъ зрителями не выводитъ,
 Не выбѣгаетъ съ факеломъ горящимъ,
 Крича: И - у! И - у; но довѣряетъ
 Себѣ одной, и на свои стихи
 Она падѣтся; хоть я поэтъ,
 Но вовсе не горжусь моимъ твореньемъ
 И васъ обманывать я не хочу,
 По многу разъ одно и тоже представляя;
 Я новые предметы пахожу,
 На прежнихъ непохожіе; они
 Для васъ всегда пріятны и забавны.
 Я на Клеона нападаю, когда
 Онъ въ-силѣ былъ; когда-жъ низверженъ былъ,
 То я не нанеслъ ему ударовъ;
 Другіе всѣ поэты съ-той-поры,
 Какъ сталъ Гиперболъ насмѣхаться
 Надъ нимъ, то всѣ они не оставляли
 Въ покоѣ ни его, ни матери его.
 Сперва Евполисъ сочинилъ «Марикю»,
 И для нея онъ «Всадниковъ» моихъ
 Ужасно исковеркалъ: онъ прибавилъ
 Къ нимъ пьяную старуху, и она
 Плясала кордаксы; Фрипихъ первый вывелъ
 Такую женщину, но предалъ онъ ее
 Чудовищу морскому на съѣденіе;
 Гериппий осмѣлялъ Гипербола впервые,
 И всѣ на бѣднаго Гипербола напали,
 И заняли мое сравненіе съ угрями.
 Кого такіе сочинители смѣшатъ,
 Тотъ смѣха не ищи въ комедіи моей:
 Когда-же будете моимъ трудомъ

(33) Ст. 539. 34).

(34) Кордаксы были сладострастный, соблазнительный танецъ.

И мной довольны, вашъ хорошій вкусъ
 Похвалить и потомство. Я сперва
 Въ защиту Хора призываю Зевса,
 Владыку неба и царя боговъ!
 Потомъ того я призываю бога,
 Который потрясаетъ землю и моря
 Своимъ трезубцемъ. ⁽³⁵⁾ Призываю и тебя,
 Пресвѣтлѣйшій нашъ отецъ, блестящій воздухъ!
 Ты все своимъ дыханіемъ живишь!
 Я призываю и тебя, о солнце,
 Тебя, смирителя копей: всю землю
 Ты согрѣваешь свѣтлыми лучами, —
 И у безсмертныхъ и у смертныхъ ты почтень.
 Теперь послушайте насъ со вниманьемъ:
 Вы насъ обидѣли, и вотъ на васъ
 Мы вамъ-же нашу жалобу припоемъ.
 Вашъ городъ получили отъ насъ благодарнѣй
 Гораздо-болѣе, чѣмъ отъ другихъ боговъ.
 Однако намъ однимъ, изъ всѣхъ божествъ,
 Вы не приносите ни жертвъ, ни возлияній.
 А мы? мы покровительствуемъ васъ.
 Когда вы замышляете походы
 И въ нихъ бѣда вамъ угрожаетъ,
 То мы гремимъ или посылаемъ дождь.
 Когда назначили вы полководцемъ
 Кожевника изъ Пафлагоніи, то мы
 Нахмурились и гнѣвъ нашъ изъявили:
 Громъ грохоталъ и молніи сверкали,
 И если-бы Клеонъ вождемъ остался,
 Луна покинула-бы свой обычный путь
 И солнце-бы свѣтить не захотѣло.
 Но вы его избрали. Говорятъ,
 Что новыя бѣды грозятъ Аоннамъ;
 Но молимъ мы, чтобъ боги обратили
 Ошибки ваши въ пользу вамъ. Хотите-ль
 Достигнуть этого, мы васъ научимъ:
 Схватите вы грабителя Клеона
 И, убѣдившись въ воровствѣ его,

(35) Посейдонъ или Нептунъ, богъ морей.

На шею хищнику надѣньте вы колодку
 И вы поправите свою ошибку:
 И всё дѣла опять придуть въ порядокъ.
 Приди и ты, о Фебъ, Делосскій богъ,
 Живущій на вершинѣ Книція, и ты,
 Артѣмпс: ⁽³⁶⁾ храмъ твой золотомъ блестящимъ
 Стоитъ въ Эфесѣ; сопмы дѣвъ Лидійскихъ
 Тебѣ съ благоговѣньемъ въ храмъ служатъ.
 Приди и ты, могучая Аѳна, ⁽³⁷⁾
 Ты, покровительница нашихъ странъ.
 И ты приди, веселый Діонисъ,
 Блаждающій, при свѣтѣ соснъ зажженныхъ,
 Съ толпой Вакханокъ по горѣ Парнассу.
 Когда мы собрались отправиться сюда,
 Луна, остановя насъ, поручила
 Сперва сказать поклонъ веѣмъ гражданамъ аѳинскимъ
 И ихъ союзникамъ, потомъ ихъ побранить
 За то, что съ ней обходятся такъ дурно.
 Съ луной, которая вамъ дѣлала добро,
 Не на однихъ словахъ, но и на дѣлѣ.
 Во-первыхъ, каждый мѣсяцъ вамъ она
 Хоть драхму ⁽³⁸⁾ сбережетъ: вѣдь вы ее
 На освѣщенье издержали-бъ; часто
 Хозяинъ подвѣчеръ на улицу выходитъ
 И говоритъ слугѣ: «Сегодня ночь свѣтла,
 Не надо факеловъ.» Мы не считаемъ
 Другихъ ея благодѣяній, а у васъ
 Всѣ дни пошли на-оборотъ. ⁽³⁹⁾
 Какъ часто ей приходится смягчать боговъ,
 Когда они придуть въ свои жилища,
 Ни праздниковъ, ни пиршествъ не дождавшись,
 Ни жертвъ назначенныхъ мѣсяцесловомъ.
 Когда должны вы жертвы приносить,
 Вы занимаетесь судомъ, расправой.

⁽³⁶⁾ Діана.

⁽³⁷⁾ Минерва.

⁽³⁸⁾ Драхма равнялась цѣнности около 92 к. ас.

⁽³⁹⁾ По причинѣ поправки календаря Метономъ, въ 1-й годъ 89 Олимпіады, произошло нѣкоторое замѣнательство относительно празднествъ.

Когда постимся мы, вспоминая
 О смерти Мемнона и Сарпедона,
 У васъ въ веселостяхъ проходитъ время.
 Вотъ почему посланникъ вашъ Гиперболъ
 Въ собраніи Амфиктіоновъ этотъ годъ
 Вѣнца лишень былъ нами: онъ узнаеть,
 Какъ дни свѣрять съ теченіемъ луны.

==

СОКРАТЬ.

Дыханьемъ, Воздухомъ и Хаосомъ клянусь,
 Я не встрѣчалъ ни разу человѣка,
 Который былъ-бы такъ забывчивъ, глупъ,
 Безмысленъ и лѣнивъ, какъ этотъ: онъ
 Бездѣлицу позабываетъ прежде,
 Чѣмъ выучить ее. Однако я хочу
 Позвать его сюда. Эй, Стрепсиадъ!
 Поди сюда и принеси подстилку.

СТРЕПСИАДЪ.

Клюпы мѣшаютъ мнѣ нести ее.

СОКРАТЬ.

Стелн скорѣй и слушай.

СТРЕПСИАДЪ.

Я готовъ.

СОКРАТЬ.

Посмотримъ. Чтò желашь прежде знать
 Изо-всего-того, чего не знаешь?
 Чтò, мѣру-ли стихосложеня, или ритмъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Конечно мѣру: продавецъ муки
 Меня обмѣрилъ какъ-то разъ.

СОКРАТЬ.

Не то!

Рѣчь не объ этомъ. Я хочу узнать,

Какую мѣру ты предпочитаешь,
Въ три или въ четыре?

СТРЕПСИДЪ.

Я предпочитаю

Въ четыре — въ полчетверика.

СОКРАТЬ.

Вздоръ мелишь!

СТРЕПСИДЪ.

Ну, хочешь спорить: въ полчетверикѣ
Четыре гарнца? (40)

СОКРАТЬ.

Убирайся! ты, глупецъ

И пеучь! Ну, а ритмъ ты хочешь знать?

СТРЕПСИДЪ.

Какая-жъ польза отъ него мнѣ будетъ?

СОКРАТЬ.

Ты занимателепъ въ бесѣдахъ будешь,
Научишься считать и ритмъ военный,
И ритмъ по пальцамъ...

СТРЕПСИДЪ.

Я и такъ умѣю

Считать по пальцамъ.

СОКРАТЬ.

Неучь!

СТРЕПСИДЪ.

Ты глупецъ!

Я этому и самъ учиться не желаю.

СОКРАТЬ.

Чему-жъ?

СТРЕПСИДЪ.

Другому, разсужденіямъ неправымъ.

СОКРАТЬ.

Но прежде этого ты долженъ знать

(40) Здѣсь, для игры словъ, необходимо было употребить русскія мѣры, хотя онѣ и не соответствуютъ греческимъ.

Другое-кое-что: — ты долженъ разпичить
Четвероногихъ мужескаго пола.

СТРЕПСИАДЪ.

Знаю.

Ты развѣ дурака во мнѣ нашель.
Баранъ, козель, осель, лошакъ, пѣтухъ —
Вотъ мужескаго рода.

СОКРАТЬ.

Что ты! какъ?

Пѣтухъ, сказалъ ты, мужескаго рода?

СТРЕПСИАДЪ.

Ну, да, сказалъ.

СОКРАТЬ.

Глупецъ! пѣтухъ вѣдь птица.

СТРЕПСИАДЪ.

А что? вѣдь это правда! Посидономъ
Клянусь; но какъ-же въ женскомъ родѣ должно
Назвать его.

СОКРАТЬ.

Какъ? — курницей: одинъ

Пѣтухъ, другая курница..

СТРЕПСИАДЪ.

Да, такъ!

Я воздухомъ клянусь, что это правда!
За это дамъ тебѣ квашникъ мукн.

СОКРАТЬ.

Опять! квашникъ не мужескаго рода.

СТРЕПСИАДЪ.

Но какъ квашникъ не мужескаго рода?

СОКРАТЬ.

Да, точно также, какъ и Клеонимъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Но растолкуй, что-жъ общаго межъ ними?
Вѣдь Клеонимъ толчетъ муку въ кадушкѣ.
И такъ, какъ должно говорить?

СОКРАТЬ.

Квашня,
Такъ точно, какъ ты говоришь Сострата.

СТРЕПСИДЪ.

Квашня?

СОКРАТЬ.

Да это такъ!

СТРЕПСИДЪ.

И стало,
Не Клеонпъ, а Клеонима будетъ? (41)

СОКРАТЬ.

Ты долженъ научиться имена
Мужчинъ отъ женскихъ различать.

СТРЕПСИДЪ.

Умью.

СОКРАТЬ.

Скажи-же.

СТРЕПСИДЪ.

Ну, Лизила, Клитатора,
Деметрія, Филппа....

СОКРАТЬ.

А мужчинъ?

СТРЕПСИДЪ.

О, множество: Милезій, Поликсенъ, Амппій.

СОКРАТЬ.

Да развѣ это имена мужчинъ?

СТРЕПСИДЪ.

Для васъ, быть-можетъ, это не мужнины.

СОКРАТЬ.

Нѣтъ вовсе не мужнины. Ты-бы какъ
Позвалъ Амппія?

(41) Касательно этого мѣста надобно замѣтить, что сохранить игру словъ въ рускомъ переводѣ не возможно.

СТРЕПСИДЪ.

Я-бъ закричалъ ему:
Аминія! ⁽⁴²⁾ пожалуй-ка-сюда!

СОКРАТЬ.

Вотъ видишь, женщину ты сдѣлалъ изъ него.

СТРЕПСИДЪ.

Быть-можетъ, и причина есть на это:
Вѣтъ онъ войны не любитъ. Но за-чѣмъ
Тому учиться, что все знаютъ?

СОКРАТЬ.

Это

Весьма-полезно; Но, ложись.

СТРЕПСИДЪ.

За-чѣмъ?

СОКРАТЬ.

Подумай о своихъ дѣлахъ немножко.

СТРЕПСИДЪ.

Прошу тебя, не принуждай меня
Ложиться; если-жъ непременно должно.
Мнѣ лечь, такъ ты позволи, но-крайней-мѣрѣ,
Хотя на землю лечь.

СОКРАТЬ.

Нельзя иначе.

СТРЕПСИДЪ.

Несчастный я! я отъ клоповъ сего-дня
Ужасно пострадаю.

СОКРАТЬ.

Размышляй

И думай; умъ въ движеніе приводи,
Различнымъ образомъ верти его;
Когда-же вдругъ препятствіе ты встрѣтишь,

(42) Звательный падежъ собственнаго имени «Аминія» имѣеть въ греческомъ языкѣ окончаніе женскаго рода.

Переходи скорѣй отъ мысли къ мысли,
Чтобъ сладкій сонъ тебя не одолѣлъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Ай! ай!

СОКРАТЬ.

Да что съ тобой, что у тебя болитъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Я погибаю: изъ моей подстилки
Коринвяне пришли и мнѣ кусаютъ
Бока, и кровь мою сосутъ,
И въ спину колятъ, я совсѣмъ погибъ.

СОКРАТЬ.

Но не кричи такъ громко.

СТРЕПСИАДЪ.

Нѣтъ у меня ни денегъ, ни души,
Ни обуви, ни крова; къ довершению-жъ
Всѣхъ бѣдъ, меня хотятъ еще морозить!
Я здѣсь и такъ все потерялъ.

СОКРАТЬ.

Чѣмъ занять ты?

Ты, кажется, совсѣмъ не размышляешь?

СТРЕПСИАДЪ.

Клянуся Посидономъ, размышляю.

СОКРАТЬ.

Ты размышляешь? но о чемъ?

СТРЕПСИАДЪ.

О томъ,

Что отъ меня клопы оставятъ?

СОКРАТЬ.

Берегись!

СТРЕПСИАДЪ.

Но, милый мой, все горе совершилось!

СОКРАТЬ.

Храбрѣ будь, закутайся, ты долженъ
Придумать хитрость, облегченье.

СТРЕПСИДЪ.

Ай!

Что если-бъ кто-нибудь мнѣ бросилъ одѣяло!..

СОКРАТЬ.

Посмотримъ, что онъ дѣлаетъ. Ты спишь?

СТРЕПСИДЪ.

Клянуся Аполлономъ — нѣтъ.

СОКРАТЬ.

Скажи,

Ты ухватился-ли за мысль?

СТРЕПСИДЪ.

Нѣтъ ни за что.

СОКРАТЬ.

Ужели ни за что?

СТРЕПСИДЪ.

Хватаюсь за животъ. (43)

СОКРАТЬ.

Постой, закутайся и размышляй.

СТРЕПСИДЪ.

Сократъ! о чомъ-же размышлять, скажи?

СОКРАТЬ.

Ну, о себѣ-самомъ: чего-бы ты желалъ?

ОТРЕПСИДЪ.

Разъ тысячу ты слышалъ, что мнѣ нужно:

Я не хочу платить моихъ долговъ.

СОКРАТЬ.

Смѣлѣе будь, закройся и потомъ

Сосредоточь всѣ бѣглыя сужденья,

Подробно размышляй о всякой вещи,

Обдумывай и различай.

СТРЕПСИДЪ.

Ой, ой!

(43) Ст. 734.

СОКРАТЬ.

Потише; если встрѣтишь затрудненье,
Оставь; потомъ, спустя не много, снова
Мысль прежнюю возьми и разсуждай.

СТРЕПСИАДЪ.

Сократушка любезный!

СОКРАТЬ.

Что, старикъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Вѣдь я нашелъ увертку отъ долговъ.

СОКРАТЬ.

Посмотримъ.... разскажи.

СТРЕПСИАДЪ.

Что, если я

Въ Эссалии волшебницу достану,
И ей велю во-время ночи съ неба
Украсть луну и запереть ее,
Какъ зеркало, въ лукошко, и стеречь.

СОКРАТЬ.

Какая-жъ польза будетъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Какъ какая?

Кагда луна явится перестанеть,
Не буду я платить процентовъ.

СОКРАТЬ.

Какъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Вѣдь ежемѣсячно проценты вносятъ.

СОКРАТЬ.

Прекрасно! но другую хитрость
Я предложитъ тебѣ хочу: положимъ,
Что обязательство ты дагъ въ пяти талантахъ (44).
Ну, какъ отъ платежа ты увернешься?

(44) Талантъ равнялся 4820 руб. ас.

СТРЕПСІАДЪ.

Какъ? какъ? не знаю, впрочемъ пошу.

СОКРАТЬ.

Ты не держи въ самомъ себѣ разсудка,
Но мысли всё пусти по воздуху летать,
Какъ жука, если ты его за лапку
Привяжешь питкой.

СТРЕПСІАДЪ.

Я придумалъ хитрость

Искусную; ты, вѣрно, согласишься :
Когда-нибудь у продавцевъ различныхъ травъ
Видалъ-ли ты прозрачный свѣтлый камень,
Которымъ зажигаютъ?

СОКРАТЬ.

О кристалъ

Ты говоришь?

СТРЕПСІАДЪ.

Такъ точно.

СОКРАТЬ.

Хорошо!

Что-жь ты съ нимъ сдѣлаешь?

СТРЕПСІАДЪ.

Я развѣ не могу,
Въ то время, какъ псець начнетъ писать,
Достать кристалъ и, ставши въ створопѣ,
Навестъ его на солнце и тогда
Весь приговоръ растопится. (45)

СОКРАТЬ.

Разумно,

Клянусь Харитами! (46)

СТРЕПСІАДЪ.

Вѣдь какъ пріятно

Все обязательство въ пяти талантахъ
Стереть!

(45) Древніе писали на дощечкахъ, покрытыхъ воскомъ.

(46) Хариты или Граціи.

СОКРАТЬ.

Теперь ты вот что отыщи.

СТРЕПСИАДЪ.

Ну что?

СОКРАТЬ.

Какое средство избѣжать,
Судейскаго рѣшенія въ то время,
Когда ты будешь обвиненъ, и между-тѣмъ
Свидѣтелей достать не можешь?

СТРЕПСИАДЪ.

Это

Вещь самая легчайшая.

СОКРАТЬ.

Скажи-же.

СТРЕПСИАДЪ.

Когда рѣшенья избѣжать пельзя,
То прежде чѣмъ вину мою объявятъ,
Я побѣгу скорѣй и удавлюсь.

СОКРАТЬ.

Ты вздоръ сказалъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Кляпуюсь богами, правду.

Вѣдь если я умру, тогда меня
Не позовутъ къ суду.

СОКРАТЬ.

Ты глупо говоришь.

Ступай отсюда вопъ: я больше не хочу
Тебя учить.

СТРЕПСИАДЪ.

Но по какой причинѣ?

Я именемъ боговъ прошу тебя!

СОКРАТЬ!

Что ты ни выучишь, все позабудешь.

Такъ, на-примѣръ, скажи, о чомъ сейчасъ
Я говорилъ тебѣ?

СТРЕПСИДЪ.

Постой немножко.

О чомъ ты говорилъ... о чомъ ты говорилъ...
 Постой... постой... какъ это называютъ
 Въ чомъ хлѣбъ квасять... какъ ее?

СОКРАТЬ.

Пошолъ,

Забывчивый и глупый старичишка!

СТРЕПСИДЪ.

Несчастный я! что мнѣ придется дѣлать?
 Погибну я, когда не научусь
 Отлично говорить. О, облака!
 Подайте мнѣ спасительный совѣтъ.

ХОРЪ.

Старикъ, совѣтуемъ тебѣ, что если
 Имѣешь сына, такъ пришли его
 Учиться за тебя.

СТРЕПСИДЪ.

Да, я имѣю
 Красиваго и умиаго сынка;
 Но ничему учиться онъ не хочетъ.
 Что дѣлать?

ХОРЪ.

И ты это переносишь?

СТРЕПСИДЪ.

Здоровъ, дороденъ онъ, опъ происходитъ
 По матери своей отъ знаменитой
 Кэсиры. Впрочемъ приведу его.
 А если не послушаетъ, то я
 Изъ дома выгою его. Войди, Сократъ,
 И подожди меня немного.

ХОРЪ.

Цѣнишь ты

Всѣ блага: пми намъ однимъ
 Изъ всѣхъ боговъ обязапъ ты.
 Вотъ этотъ человекъ готовъ
 Все сдѣлать, что ты ни прикажешь.

Ты видишь, какъ онъ изумленъ,
 Какъ пораженъ твоимъ умомъ!
 Такъ изъ него ты все, что можешь,
 Старайся извлекать: вѣдь скоро
 Такая доброта проходитъ.

СТРЕПСИАДЪ (возвращается съ своимъ сыномъ).

Нѣтъ, облаками я клянусь, что долше
 Ты здѣсь не будешь жить, а если хочешь,
 То у Мегакла можешь стѣны грызть.

ФИДИПИДЪ.

Что батюшка съ тобой? ты помѣшался,
 Клянуся Зевсомъ Олимпійскимъ!

СТРЕПСИАДЪ.

Вотъ,
 Смотри: «Зевсъ Олимпійскій!» что за вздоръ!
 Скажи, въ твои-ли годы Зевсу вѣрить?

ФИДИПИДЪ.

Да отъ-чего ты такъ хочешь?

СТРЕПСИАДЪ.

Отъ-чего?

Да отъ-того, что ты такой ребенокъ,
 И думаешь о глупой старинѣ.
 Но подойди поближе, я тебѣ
 Открою многое, — такую вещь скажу,
 Что ты, узнавъ ее, вдругъ станешь,
 Какъ должно, человѣкомъ, только никому
 Не открывай ее.

ФИДИПИДЪ.

Ну, хорошо,

Да что-же это?

СТРЕПСИАДЪ.

Ты мнѣ Зевсомъ клялся?

ФИДИПИДЪ.

Ну, да.

СТРЕПСИАДЪ.

Смотри, какъ хорошо учиться!

Вѣдь Зевса нѣтъ, мой милый Фидиппидъ.

Фидиппидъ.

Да кто-же править всѣмъ?

Стрепсиадъ.

Кто? Впхръ,

Изгвавшій Зевса.

Фидиппидъ.

Что за пустяки!

Стрепсиадъ.

Да, правда.

Фидиппидъ.

Кто-жъ тебѣ сказалъ объ этомъ?

Стрепсиадъ.

Сократъ и Херофонъ, который знаетъ
Скачокъ блохи измѣрять.

Фидиппидъ.

И ты былъ

Такъ глупъ, что вѣрилъ этимъ сумазбродамъ.

Стрепсиадъ.

Тсъ-тсъ-, неговори объ нихъ дурнаго,

И съ осторожностью суди объ этихъ

Благоразумныхъ и достойныхъ людяхъ:

Они такъ бережливы, что никто изъ нихъ

Не умащается, не брѣется и въ баню

Не ходитъ мыться; ты-же разсыпаешь

Мое богатство, точно умеръ я.

Скорѣй ступай, въ замѣнь меня, учиться.

Фидиппидъ.

Но что-жъ хорошаго отъ нихъ узнаю я?

Стрепсиадъ.

И будто это правда? Всѣ познаешь,

Какія только есть у смертныхъ. Самъ

Познаешь, какъ ты и глупъ и жалокъ.

Но подожди немного.

Фидиппидъ.

Что начать?

Сбѣспялся мой отецъ! Что дѣлать мнѣ?

Въ судъ-ли объявить о бѣшенствѣ его,

Иль предувѣдомить объ этомъ грободѣловъ?

СТРЕПСИДЪ.

Смотри, какъ назовешь ты эту птицу?

ФИДИПИДЪ.

Какъ? пѣтухомъ.

СТРЕПСИДЪ.

Ну, хорошо, а въ женскомъ какъ?

ФИДИПИДЪ.

Какъ? пѣтухомъ.

СТРЕПСИДЪ.

Объихъ пѣтухомъ?

Забавно это! только ты впередъ

Не смѣй такъ безтолково говорить,

А одного зови ты пѣтухомъ,

Другаго курицей.

ФИДИПИДЪ.

Другаго курицей?

Ты такъ сказагь? Такъ этимъ-то вещамъ

Ты научился у сыновъ земли?

СТРЕПСИДЪ.

Нѣтъ, многому они меня учили;

Но я за старостью все забывагь,

Что ни выучивагь.

ФИДИПИДЪ.

Такъ ты за тѣмъ

И плащъ свой потерягь?

СТРЕПСИДЪ.

Нѣтъ, я его

Не потерягь, но я его *промыслилъ*.

ФИДИПИДЪ.

А съ обувью твоей что сбѣлалось, дуракъ!

СТРЕПСИДЪ.

Ее на нужное истратилъ. Такъ

Сказагь Периклъ. Иди, ступай со мною,

Послушайся отца; объ остальномъ

Не хлопочи. Когда тебѣ еще

Не минуло шести годовъ, и ты

Едва могъ лепетать, я слушался тебя;

Я первый мой оболъ употребилъ

На то, чтобы тебѣ, для праздника Зевеса,
Купить колясочку.

ФИДИПИДЪ.

И кашься ты въ этомъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Пусть такъ, но ты послушайся меня.
Пойди, Сократъ! Я сына моего привелъ,
Онъ уступилъ моимъ желаніямъ.

СОКРАТЪ.

Конечно,

Ребенокъ этотъ не созрѣлъ еще
Для всѣхъ видѣній нашихъ.

ФИДИПИДЪ.

Ты-бы лучше

Созрѣлъ, когда-бъ повѣсили тебя.

СТРЕПСИАДЪ.

Безумецъ! ты наставника ругаешь!

СОКРАТЪ (*передразнивал*).

«Когда-бъ повѣсили.» Ты такъ сказалъ?

Какое скверное прозношенье!

Какъ открываешь онъ свой ротъ! Ну, какъ

Онъ можетъ научиться выиграть тяжбу,

Какъ обвинить враговъ, какъ опровергнуть

Всѣ доказательства противниковъ?

Гиперболь, вѣрно, за одинъ талантъ

Всею его училъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Не безпокойся,

Но только наставляй. Онъ, отъ природы,

Имѣетъ умъ. Еще онъ былъ ребенкомъ

И уже строилъ домики у насъ,

Долбилъ кораблики, изъ кожи дѣлалъ

Колясочки, изъ шелухи гранатъ

Лягушекъ рѣзалъ. Ты учи его

Двумъ разсужденіямъ — сильному сперва

И послѣ слабому: послѣднее надъ первымъ

Неправдою всегда восторжествуетъ.

Такъ прежде научи его неправдѣ.

СОКРАТЬ.

Обоимъ разсужденьямъ научу.

СТРЕПСИАДЪ.

Я ухожу, но помни, чтобъ опъ могъ
Опровергать все то, что справедливо.

=

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Приди сюда, и смѣлый покажись
Предъ зрителями.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Я, куда ты хочешь,
Пойду. Не трудно мнѣ передъ тобою
Тебя словами уничтожить.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Ты

Скорѣй погибнешь самъ. Кто ты?

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Я разсужденья.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Но слабое.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Тебя, хоть ты и говоришь, что ты
Сильнѣй меня, тебя я уничтожу.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Какими способами?

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Новизною

Моихъ находокъ.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Это правда; пылъ

Все новое въ почетъ черезъ этихъ
Глушцовъ.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Сказать-бы лучше, этихъ мудрыхъ.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Тебя совсѣмъ я уничтожу.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Какъ?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Я правду выскажу.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ

Но рѣчь твою

Я опровергну. Ложь-же поддержи.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Уже ли правды нѣтъ?

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Да, нѣтъ, а если есть,

Скажи мнѣ, гдѣ она?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Есть у боговъ.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Но если правда есть, то какъ-же не погибъ

Зевесъ, сковавшій своего отца?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Какъ, что? и ты до этого доходишь!

Скорѣ чашу дайте! (47)

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Ты болтуешь.

Безсильный!

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Ты безстыдный и безчестный!

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Ты розы мнѣ дарить.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Наглецъ!

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Меня

Въячашь лиліями ты.

(47) Чувство отвращенія, доходящее до тошноты.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Отцеубійца!

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Дождикъ золотой ты сыплешь на меня.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Въ былое время вшли-бы тебѣ

Въ пасть олово горячее.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

А нынѣ

Все это мнѣ замѣнить украсенья.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Безстыдный!

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Безразсудный!

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Ты причина,

Что юноши въ училища не ходятъ.

Афиняне когда-нибудь узнаютъ

Все зло, которое внушаешь ты

Безумцамъ этимъ.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Твой ничтожный видъ

Противенъ мнѣ.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Теперь ты стагъ богатъ,

А прежде нищимъ былъ, подъ именемъ Телефа

Мизійскаго, таскалъ въ своей сумѣ

Лишь изрѣченья Панделета. (48)

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

О мудрецъ!

Какую старпну припомнилъ ты!

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Твое и нашихъ гражданъ безразсудство

Питаетъ порчу юношей.

(48) Насмѣшка надъ однимъ современнымъ лебедникомъ и доносчикомъ.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Ты хочешь,

Чтобъ этотъ юноша тебѣ послушенъ былъ?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Конечно, если онъ спасти себя желаетъ,

И болтовнѣ одной не хочетъ научиться.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Поди скорѣи ко мнѣ, оставь бузумца.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Раскаешься ты, если съ нимъ сдружишься.

ХОРЬ.

Оставьте ваши жалобы и брань;

Скажи ты намъ, чему въ былое время

Ты научалъ людей, и ты намъ расскажи

О новомъ воспитаніи. Тогда

И юноша, услышавъ ваши рѣчи,

Разсудитъ самъ, что выбрать-бы ему.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Я этого весьма хочу.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Я также.

ХОРЬ.

Но кто-же первый говорить начнетъ?

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Пусть онъ начнетъ; когда-же онъ окончитъ,

Я, какъ стрѣлами, поражу его

Рѣчами новыми и мыслью новой.

Но если послѣ будетъ хрюкать онъ,

То краснорѣчіе мое, какъ осы,

Начнетъ его колоть въ глаза, въ лицо.

ХОРЬ.

Вы всеми способами краснорѣчья,

Глубокомыслиемъ и силой слова

Теперь должны предъ нами показать,

Кто первенства изъ васъ достоинъ.

О философіи теперь идетъ вопросъ,

И за меня друзья мои воюють.

О ты, который славныхъ предковъ нашихъ,

Такъ часто добродѣтелью вѣнчалъ,

Ты голосъ свой теперь возвысь въ защиту
Того, что ты такъ обожаешь, покажи,
Кто ты такой.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Хочу я разсказать
Какое вдревле было воспитанье:
Я разскажу о тѣхъ цвѣтущихъ дняхъ,
Когда я истину открыто говорилъ
И скромность правы наши украшала.
Дитя тогда не могъ подать свой голосъ;
И юноши въ училище ходили
По улицамъ въ порядкѣ, безъ одеждъ,
Хотя-бъ снѣгъ сыпалъ, какъ мука сквозь сито;
Въ училищѣ они сидѣли чинно.
И ихъ учили пѣть: «О грозная Паллада,
Рушительница городовъ» иль этотъ гимнъ:
«Крикъ издали несется;» сохраняли
Они всю важность древняго напѣва,
Завѣщаннаго имъ отъ дѣдовъ. Если-жъ
Задумалъ-бы вдругъ кто-нибудь изъ нихъ
Иль шутку отпустить или запѣть
Съ изысканной и пѣжною прикрасой,
Введенной Фринихомъ, того сейчасъ,
Какъ недруга всѣхъ музъ, хлестали.
Въ училищѣ тѣлесныхъ упражненій
Они сидѣли, протянувши ноги,
Чтобъ неприличія избѣгнуть; каждый,
Вставая съ мѣста, заметалъ песокъ,
Чтобы на немъ слѣда не оставалось.
И легкій пухъ, какъ у плодовъ, ихъ тѣло
Все покрывалъ. И съ женскимъ голосомъ они
Къ любовникамъ на встрѣчу не бѣжали,
Ихъ сладострастнымъ взглядомъ не манили.
Не позволялось дѣтямъ есть ни хрѣпу,
Ни рыбы, ни петрушки, ни дроздовъ,
Класть ногу на ногу имъ запрещалось.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Все это устарѣло: это изъ временъ

Стрекозъ, ⁽⁴⁸⁾ Кикпада, древнихъ жертвъ воюющихъ
И праздниковъ Діополідійскихъ.

СПРАВЕДЛИВЫИ.

Такъ,

Но это воспитанье возростию
Бойцовъ при Маравонгъ; ты-же пниѣ
Закутываться въ платье имъ велишь.
Я негодую, видя пляску ихъ
На шумныхъ праздникахъ Панаопнейскихъ,
Когда они, Паладѣ въ попошенье,
Щиты передъ собою неловко держать.
Вотъ, юноша, къ себѣ меня возьми
Въ наставники, — и ты любить не будешь
Ни тяжбъ, ни лбедъ, посѣщать не станешь
Ты теплыхъ бань; безчестные поступки
Красить тебя заставятъ; если будутъ
Смѣяться надъ стыдливостью твоей,
Ты огорчишься; будешь ты вставать
Предъ старшими, родителей своихъ
Не опечалишь никогда, дурнаго
Не будешь дѣлать. Юноша стыдливость
Изображать собою долженъ. Не пойдешь
Смотрѣть на нагихъ женщинъ, опасаясь,
Что въ мигъ, какъ будетъ въ изступлени,
Не бросила-бы яблока ⁽⁴⁹⁾ тебѣ
Одна пзъ нихъ, и не лишила-бы тебя
Молвы хорошей. Ты отцу не станешь
Противорѣчить и надъ старостью его
Смѣяться не захочешь; ты забудешь
Всѣ недостатки въ томъ, кто воспиталъ тебя.

НЕСПРАВЕДЛИВЫИ.

Вѣрь юноша ему! клянусь я Бакхомъ
Ты будешь тощъ, какъ дѣти Гипократа,
Иссохнешь какъ трава.

⁽⁴⁸⁾ Въ отдаленной древности въ Лоннахъ была у женщинъ мода носить въ волосахъ стрекозу, сдѣланную изъ золота.

⁽⁴⁹⁾ Въ залогъ любви.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

На всѣхъ ристаньяхъ

Ты будешь побѣдителемъ; на площади
 О разныхъ глупостяхъ не будешь толковать,
 Хотя многіе такъ дѣлають теперь.
 Не будешь затѣвать изъ вздора тяжбы,
 Въ которой, отъ взаимныхъ перебранокъ,
 Имущество ты можешь потерять;
 Ты въ Академію пойдешь, подѣ тѣнью
 Оливъ священныхъ будешь ты гулять.
 Вѣнокъ изъ тростника и изъ цвѣтовъ
 Твое чело украситъ, и досуги
 Раздѣлишь ты съ ровесникомъ твоимъ.
 Ты насладишься сладкимъ благовошемъ
 И тополя, и дуба, въ день веселій,
 Когда платанъ и вязъ другъ съ другомъ шепчуть.
 И если то, что я сказалъ, исполнишь,
 То будешь ты имѣть и сильныя плеча,
 И грудь широкою, и свѣжее лицо,
 И твой языкъ коротокъ будетъ.
 Когда-же будешь жить, какъ прочіе живутъ,
 То будешь ты имѣть безвильныя плеча,
 Грудь сжатую и блѣдное лицо,
 И дологъ будетъ у тебя языкъ.
 И къ ябедѣ твой умъ способенъ станетъ.
 И то хорошимъ будешь почитать,
 Что стыдъ приноситъ; и безчестнымъ
 Ты дѣю честное сочтешь, и наконецъ,
 Какъ Антимахъ, себя ты опозоришь.

ХОРЪ.

О ты, который обитаешь
 Во храмахъ мудрости высокой,
 Твои слова благоухаютъ,
 Какъ пышные цвѣты!
 Блаженны жившіе въ то время,
 Когда еще ты въ славѣ былъ!

(Къ Несправедливому)

Владѣтель множества рѣчей,
 Ты долженъ новыя найти слова.
 Противникъ твой насъ поразилъ.

Ты долженъ взять другія средства,
 Когда его ты хочешь побѣдить,
 Чтобъ самому не быть предметомъ смѣха.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Давно отъ петербѣня задыхаюсь,
 И рѣчь его хочу я опровергнуть.
 Меня всегда зовутъ несправедливымъ
 Всѣ мудрецы, за то, что первый я
 Придумалъ средство, какъ опровергать
 И справедливость и законъ. Не правда-ль,
 Что дорого умѣние—представить
 Ложь истиной? Смотрите вы, какъ я
 Разрушу до конца все воспитанье,
 Которымъ такъ гордится онъ. Ты запрещаешь
 Намъ въ бани теплыя ходить? За-чѣмъ
 Такъ бани теплыя ты порицаешь?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Онъ опасенъ, — расслабляютъ тѣлю.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Постой! я удержу тебя: ты ускользнуть
 Не можешь отъ меня! Ты отвѣчай:
 Кто изъ дѣтей Зевеса всѣхъ смѣлѣе былъ,
 Кто подвиговъ всѣхъ больше совершилъ?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Я думаю, Гераклъ былъ всѣхъ славнѣе.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Но гдѣ-жъ холодныя ты видѣлъ бани,
 Которыя-бы звали въ честь Геракла. ⁽⁵⁰⁾
 Однако кто-же былъ его храбрѣе?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

И эти рѣчи юноши твердятъ!
 Отъ этого и бани посѣщаютъ,
 Тогда какъ всѣ палатры пусты.

(50) Всѣ теплыя петочники назывались Геракловыми, въ честь Геркулеса.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Бранишь ты разговоръ на площадяхъ,
Его я защищаю. Если-бъ это
Худое дѣлю было, то Омръ
Или Нестора и ни другихъ людей разумныхъ,
Витіями не сдѣлалъ-бы. Отсюда
Перехожу къ употребленію языка:
Онъ говорить, что юношамъ недолжно
Усовершенствовать его? А я,
Я думаю совѣмъ на оборотъ.
Онъ цѣломудріе хранить внушаетъ?
Вотъ бесполезная и глупая задача!
Скажи, кому оно полезно было?
Скажи и опровергни.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Очень-многимъ.

Изъ за-него Пелей (51) мечъ получилъ.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Мечъ получилъ!... къ чему-же онъ ему годился?
Не богѣ-ль съ свѣтильниками выигралъ
Гинерболь? — Дѣлю здѣсь не о мечѣ. —

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

За цѣломудріе Пелей Оетиду
Въ сунруги получилъ..

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Его оставя,

Она ушла. Онъ не былъ сладострастенъ —
А отъ-того жена его скучала. Ты —
Отжившій вѣкъ болтуни!... Смотри, мой сынъ,
Я цѣломудрія весь вредъ представляю.
Оно лишаетъ насъ всѣхъ наслажденій,
Пировъ, вина и смѣха. Стоитъ-ли и жить,
Отъ этихъ удовольствій отказавшись?
Я здѣсь остановлюсь, и перейду
Къ потребностямъ природы нашей:

(51) Отецъ Геркулеса.

Ты сдѣлать преступленье: ты любишь;
 Тебя за преступленье захватили,
 И ты погибъ, когда ты не умѣешь
 Себя спасти. Со мною-же ты можешь
 И наслаждаться жизнью, и плясать,
 И хохотать, и надо всемъ смѣяться.
 Застанетъ мужъ тебя съ своей женою,
 Ты утверждай, что ты не виновать,
 И всю твою вину свали на Зевса,
 Скажи, что самъ онъ уступалъ любви
 И женщинамъ. Возможно-ли, что-бъ смертнѣй
 Могъ долѣе крѣпиться, тѣмъ Зевесъ?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Но съ наставленіемъ твоимъ постигнетъ
 Его казнь лютая, ⁽⁵²⁾ и чѣмъ тогда
 Отговорится онъ?

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Что-жъ тутъ худаго?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Что можетъ быть ужаснѣе!

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Что скажешь

Когда на это есть причина?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Замолчу.

Что-жъ больше дѣлать мнѣ.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Итакъ скажи,

Что за народъ витіи?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Люди безъ стыда.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Я вѣрю. Сочинители трагедій?

(52) Благопристойность мѣшаетъ сказать о казни, опредѣленной пре-
 любодѣлямъ.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Безчестные.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Ну, хорошо! А демагоги?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Безчестные.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Вотъ видишь ты, что вздоръ

Мнѣ говоришь. На зрителей взгляни,

Кого всѣхъ болѣе межъ ними?...

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Погоди,

Смотрю.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Ну, хорошо. Кого-жъ ты видишь?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Безчестныхъ болѣе всего: вотъ тамъ

Одинъ, а вотъ другой, а вотъ и третій,

Кудрявый тамъ сидитъ.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Такъ что-жъ ты скажешь?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Я побѣжденъ. Скорѣй возьмите плащъ,

Я въ ваше общество теперь вступаю.

==

СОКРАТЪ.

Ну, что-же, хочешь увести ты сына,

Или оставишь у меня, чтобъ я

Могъ научить его искусно говорить?

СТРЕПСИДЪ.

Учи и бей его; но только не забудь

Усовершенствовать его языкъ

Въ двухъ отношеняхъ : во-первыхъ, чтобъ онъ могъ
 О пустякахъ отлично говорить,
 А во-вторыхъ, чтобы онъ въ важномъ дѣлѣ
 Взялъ верхъ надъ всѣми.

СОКРАТЪ.

Ты ужъ будь покоенъ.

Съ-умью сдѣлать ловкаго софиста.

ФИДИПИДЪ.

И жалкаго, и бѣднаго.

СТРЕПСИАДЪ.

Войди.

ФИДИПИДЪ.

Когда-нибудь да каяться ты будешь.

ХОРЪ.

Хотимъ сказать мы нашимъ судьямъ,
 Какая польза будетъ имъ,
 Когда они къ намъ будутъ справедливы.
 Весной, когда начнете вы
 Работать на своихъ поляхъ,
 То первымъ вамъ пошлемъ мы дождикъ,
 Другимъ его пошлемъ мы послѣ.
 Когда-жъ на виноградныхъ лозахъ
 Созрѣютъ гроздія, то мы
 Для васъ ихъ сохранимъ отъ зноя,
 Отъ сырости ихъ бережемъ.
 Но если кто-нибудь изъ васъ,
 Самъ смертный насъ безсмертныхъ оскорбитъ
 Пусть онъ о тѣхъ бѣдахъ помыслитъ,
 Какими мы грозимъ ему.
 Съ своихъ полей онъ не получитъ
 Ни хлѣба, ни вина; когда-жъ
 Созрѣютъ гроздія на лозахъ,

То мы тогда ихъ истребимъ,
И все опустошимъ грозою.
И если онъ изъ кирпичей
Построитъ имъ ограду, мы
Дождемъ ее размоемъ, градъ
Расколетъ черепицы кровли.
И если женится онъ самъ
Иль родственникъ иль другъ его,
Мы устремимъ дождей потоки,
Да такъ, что лучше онъ захочетъ
Въ Египтъ быть, чѣмъ говорить
Объ насъ несправедливо.

СТРЕПСИАДЪ.

Еще пять дней, потомъ четыре, три, тамъ два,
Потомъ и тотъ, что такъ меня пугаетъ,
Котораго боюсь и ужасаюсь —
День поволунія. Заимодавцы
Немедленно потребуютъ уплаты.
Они клянутся разорить меня,
Они моей гибели желаютъ.
Хотя моя къ нимъ просьба справедлива:
«Дружокъ, — такъ каждаго изъ нихъ прошу, —
«Ты не бери съ меня теперь всѣхъ денегъ, —
«Прибавлю я, — ты только потерпи!»
Они мнѣ говорятъ, что такъ не лзя,
Что такъ я никогда не расплачусь;
Кричатъ, что ихъ считаю я глупцами
И жаловаться на меня хотятъ.
Пусть жалуются. Право я не слишкомъ
Объ этомъ буду хлопотать, когда
Мой Фидипидъ научится искусству
Отлично говорить: пойду сейчасъ
Объ немъ освѣдомиться; постучусь
Въ училище. Сынокъ! гдѣ ты, сынокъ?
Гдѣ ты?

СОКРАТЬ.

Привѣтствую я Стрепсиада.

СТРЕПСИАДЪ.

А я Сократа, по сперва возьми
 Вотъ это; справедливо сдѣлать
 Наставнику подарокъ. Но скажи,
 Какъ мой сынокъ успѣлъ въ своихъ заплатахъ,
 Учился-ли онъ славнымъ разсужденьямъ?

СОКРАТЬ.

Учился.

СТРЕПСИАДЪ.

Хорошо. Некуснѣйшій обманъ!

СОКРАТЬ.

И тяжбу всякую онъ выиграть можетъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Хотя-бы были при моемъ заемѣ
 Свидѣтели?

СОКРАТЬ.

Да хоть-бы тысяча была.

СТРЕПСИАДЪ.

Итакъ могу я громко закричать:
 «Ростовщики! теперь-то вамъ бѣда!
 Погибли вы, вы потеряли
 И деньги, и проценты; вы теперь
 Меня не смѣйте тронуть! Въ этомъ домѣ
 Я сына воспиталъ: его языкъ
 Двойное остріе имѣетъ; онъ
 Бичомъ моихъ враговъ, моею подпорой,
 Освободителемъ моимъ онъ будетъ.»
 Зови его скорѣй! мой сынъ, мое дитя!
 Бѣги! родителя ты слышишь голосъ.

СОКРАТЬ.

Вотъ онъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Дружочекъ мой!

СОКРАТЬ.

Теперь

Отсюда увести его ты можешь.

(Сократъ уходитъ).

СТРЕНСИАДЪ.

Ай! ай! дитя мое! о какъ я радъ,
 Что ты въ лицѣ совсѣмъ перемѣнился:
 Твой взглядъ показываетъ чловѣка,
 Готоваго все опровергнуть и всему
 Противорѣчить. Во время ты можешь
 Теперь сказать: «Что ты мнѣ говоришь?»
 Умѣешь ты обиженнымъ казаться
 И обижать другихъ. И въ самомъ взглядѣ
 Аттическое пѣчто ты имѣешь.
 Однако постарайся мнѣ помочь —
 Вѣдь ты-же самъ и погубилъ меня.

ФИДПИИДЪ.

Чего-жъ боишься ты?

СТРЕНСИАДЪ.

Боюсь луны,

И молодой-то я боюсь, и старой.

ФИДПИИДЪ.

Это что,

Луна и старая и молодая?

СТРЕНСИАДЪ.

Она лишь явится, и на меня
 Поступить жалоба.

ФИДПИИДЪ.

И это имъ

Послужить въ обвиненіе: луна
 Двоюдой быть не можетъ.

СТРЕНСИАДЪ.

Какъ не можетъ?

ФИДПИИДЪ.

Да такъ, какъ женщина не можетъ быть
 И молодой и старой разомъ.

СТРЕПСИДЪ.

Но законъ

Такъ требуетъ.

Фидипидъ.

Они въ законъ смысла

Не понимаютъ.

СТРЕПСИДЪ.

Что-жь сказать ты хочешь?

Фидипидъ.

Старикъ Солопъ любилъ народъ?

СТРЕПСИДЪ.

Но это

Съ луною молодой и старой вовсе,
Какъ кажется мнѣ, связи не имѣеть.

Фидипидъ.

Опъ для уплаты всѣхъ долговъ назначилъ
Два дни — день молодой луны и старой.
Желалъ онъ, чтобы требованья были
Отложены всегда до новолунья.

СТРЕПСИДЪ.

За-чѣмъ-же онъ прибавилъ «старой?»

Фидипидъ.

Ну, за-чѣмъ;

Чтобъ тотъ, кто принужденъ платить долги,
Могъ мирно кончить дѣлю; если-жь пѣтъ,
Такъ, чтобы утромъ послѣ поволунья
Могли удвоить притѣсненья.

СТРЕПСИДЪ.

Но за-чѣмъ

Правительство уплаты не беретъ
Въ день первый мѣсяца, но принимаетъ
Въ день молодой луны и старой?

Фидипидъ.

Такъ

Хотятъ начальники, и какъ обжоры,

Они въ одинъ лишь день хватаютъ все,
Чтобъ деньгами внесенными жввиться.

СТРЕПСИАДЪ.

О жалкіе глупцы, добыча мудрыхъ,
Что дѣлаете вы, хотя по всюду
Разбросаны вы точно камни, стадо
Обманщиковъ, послушные бараны!
Какъ стружки, вы лежите другъ на другѣ.
Въ честь сына моего я пѣсю запою. —
«Счастливецъ Стрепсиадъ, какъ ты уменъ
И что за сына ты имѣешь!» — такъ
Начнутъ мнѣ говорить друзья мои;
Всѣ граждане такъ будутъ поздравлять,
Когда ты всѣ дѣла мои поправишь
Своимъ отличнымъ краснорѣчьемъ. Но войдемъ.
Тебѣ обѣдъ хорошій я сготовилъ.

(Они входятъ въ домъ).

ПАСИИ. *(съ свидѣтелями)*

Должны-ль мы жертвовать имѣниемъ
Для выгоды чужой? Навѣрно, нѣтъ!
Я долженъ былъ-бы съ самаго начала
Оставить ложный стыдъ, чѣмъ претерпѣтъ
Такое множество неудовольствій.
Теперь, чтобъ могъ я получить свое добро,
Я долженъ взять въ свидѣли тебя
И изъ сосѣда сдѣлаться врагомъ —
Пусть будетъ такъ; покуда я въ живыхъ,
Достоинъ буду я моей отчизны. (53)
Я Стрепсиада въ судъ зову.

(53) Намышка надъ Аопинами, которые были страстные охотники до тяжбъ.

СТРЕПСІАДЪ.

Кто тамъ?

пасій.

День молодой луны и старой.

СТРЕПСІАДЪ *(къ свидѣтелю)*.

Я тебя

Беру въ свидѣленіи, что онъ два дни

Показываетъ разомъ; по чего-жъ

Ты хочешь отъ меня?

пасій.

Двѣнадцать минъ,

Которыя я далъ тебѣ, когда

Ты лошадь покупалъ?

СТРЕПСІАДЪ.

Я лошадь покупалъ?

Да что съ тобой? вѣдь все въ извѣстномъ,

Что не охотникъ я до лошадей.

пасій.

Богами клялся ты мнѣ ихъ отдать.

СТРЕПСІАДЪ.

Да точно клялся я, пока мой сынъ

Не обладалъ искусными рѣчами.

пасій.

И ты по этому не хочешь мнѣ заплатить?

СТРЕПСІАДЪ.

Какую-жъ выгоду другую я могу

Отъ этой получить науки?

пасій.

Какъ,

Ты смѣешь предъ богами отречься,

Когда я на твою ссылаюсь клятву?

СТРЕПСІАДЪ.

Какими-же богами я поклялся?

пасій.

Зевесомъ, Герміемъ и Посидономъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Да такъ охотно дамъ я три обола,
Чтобъ произнестъ такую клятву.

ПАСИЙ.

Боги

Тебя накажутъ за безстыдство.

СТРЕПСИАДЪ.

Изъ него

Мѣхъ для вина отличный можно сдѣлать.

ПАСИЙ.

И ты еще смѣешься падо мной?

СТРЕПСИАДЪ.

Въ него-бъ вошло ушатовъ шесть.

ПАСИЙ.

Зевсомъ

И прочими богами я кляцусь,
Что надъ собой ругаться не позволю.

СТРЕПСИАДЪ.

Смѣшишь меня богами! Зевсъ, которымъ
Клянешься ты, забавенъ для людей
Ученыхъ.

ПАСИЙ.

Строго будешь ты наказанъ
За богохульство. Но заплатишь-ли ты мнѣ?
Да, или нѣтъ? Скажи, и не держи меня.

СТРЕПСИАДЪ.

Не много подожди, сейчасъ отвѣтъ я дамъ.

(Онъ входитъ въ домъ).

ПАСИЙ.

Какъ думаешь, что будетъ дѣлать онъ.

СВИДѢТЕЛЬ.

Я думаю — отдастъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Гдѣ тотъ, который

Меня просилъ о деньгахъ? говори,
Что́ это?

пасій.

Что́? квашинкѣ.

СТРЕПСІАДЪ.

И ты такъ пагиль,
Что денегъ требуешь, невѣжда! Нѣтъ,
Ни одного обола не отдамъ
Тому, кто квашинкомъ зоветъ квашню.

пасій.

Такъ ты мнѣ не заплатишь?

СТРЕПСІАДЪ.

Нѣтъ, тебя

Я проучу... Но скоро-ли все кончишь?
Ступай отсюда вонъ!

пасій.

Да, я пойду;

Но соглашусь скорѣе умереть,
Чѣмъ откажусь отъ денегъ.

СТРЕПСІАДЪ.

Это значитъ

Что ты къ двѣнадцати пропавшимъ минамъ
Еще прибавишь столько; вѣдь по правдѣ
Сказать, мнѣ жаль тебя, что за незнайце
Родовъ именъ ты претерпѣлъ потерю.

==

АМПИИЙ.

Несчастный я!

СТРЕПСІАДЪ.

Кто тамъ стонаетъ такъ?

Не изъ Коркиновыхъ-ли (54) кто боговъ?

Аминий.

Ты хочешь знать, что я? Несчастный я.

СТРЕПСИАДЪ.

Ступай своей дорогой.

Аминий.

Зевсъ жестокий!

Ужасная судьба! ты колесницу

Мою сломала. О, Паллада, ты

Меня на вѣки погубила...

СТРЕПСИАДЪ.

Что за зло

Тебѣ могъ сдѣлать Тисполеми? (55)

Аминий.

Не смѣйся,

Но сыну прикажи отдать мнѣ деньги;

Особенно сегодня я несчастливъ!

СТРЕПСИАДЪ.

Какія деньги?

Аминий.

Тѣ, которыя онъ занялъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Да, въ-самомъ-дѣлѣ, ты мнѣ жалокъ.

Аминий.

Увы! сего-дня я усталъ, скакавши

На лошади.

СТРЕПСИАДЪ.

Ты лжешь, свалился ты

Съ ослы. (56)

(54) Коркипъ — трагикъ, выведенный на сцену нѣкоторыхъ боговъ, которые плакали и вздыхали.

(55) Пародія на одну трагедію.

(56) *κατὰ πῆλον καὶ ὄνον* или *κατὰ βοῦν*, греческій каламбуръ, который въ первомъ случаѣ должно перевести *упасть съ ослы*, а во второмъ *сойти съ-ума*.

Облака

Аминий.

Да, отъ-того я згу, что спрашиваю долгъ.

СТРЕПСІАДЪ.

Ты, кажется миѣ, боленъ.

Аминий.

Отъ-чего?

СТРЕПСІАДЪ.

Случилось потрясеніе въ головѣ твоей.

Аминий.

Клянуса Гермесомъ! ты въ судъ пойдешь,
Когда миѣ денегъ не отдашь.

СТРЕПСІАДЪ.

Скажи,

Какъ думаешь ты, если дождь идетъ,
То изъ какой воды, изъ новой
Иль постоянно изъ одной и той-же,
Которую притягиваетъ солнце?

Аминий.

Не знаю я, да миѣ какое дѣлю!

СТРЕПСІАДЪ.

Но какъ-же хочешь ты, чтобы тебѣ
Платили деньги, если не имѣешь
Понятія о вещахъ небесныхъ?

Аминий.

Если

Всего отдать не въ состояннн, то,
По-крайней-мѣрѣ, заплати проценты.

СТРЕПСІАДЪ.

Проценты? Что за звѣри?

Аминий.

Это деньги,
Которыя растутъ, растутъ, по мѣрѣ
Того, какъ время протекаетъ: больше
Ихъ дѣлается съ каждымъ мѣсяцемъ и днемъ.

СТРЕПСІАДЪ.

Прекрапо! но скажи миѣ, стало-ль море

Теперь обширѣе пль все такое-жъ?

аминіи.

Конечно пѣтъ, оно одно и тоже,
И увеличиться ему опасно.

СТРЕПСІАДЪ.

Безмысленный! ну какъ-же, если море,
Въ которое владаетъ столько рѣкъ,
Не увеличится, то какъ-же хочешь ты,
Чтобъ увеличивался деньги? Вонъ ступай!
Прочь отойди! Подайте-ка дубину!

аминіи.

Свидѣтели! свидѣтели!

СТРЕПСІАДЪ.

Пошелъ!

Ты слышпшь-ли? Негодная клячонка!

аминіи.

Не оскорбленье-ль это?

СТРЕПСІАДЪ.

Да уйдешь-ли ты?

Вотъ я тебя! Спасайся поскорѣй!

И колесницѣ и твоимъ колесамъ

Я покажу дорогу.

==

ХОРЪ.

Вотъ что значитъ

Любить неправду. Э тотъ старичишка

Пристрастенъ къ ней, своимъ заимодавцамъ

Платить не хочетъ онъ; но невозможно,

Чтобъ съ нимъ чего худаго не случилось

За все его обманы; онъ увидить,

Какъ сбудутся желанія его:

Желамъ онъ, чтобы сынъ его былъ въ-силахъ

Противорѣчить разуму, и выиграть

Несправедливую, любую тяжбу;
 Но, можетъ-быть, онъ скоро пожелаетъ,
 Чтобъ сынъ его былъ лучше нѣмъ.

СТРЕПСІАДЪ.

Ой, ой! сосѣди, граждане, родные!
 Спасите, помогите! бьютъ меня!
 Ай, ай! по головѣ, ой! по зубамъ!
 Злодѣй! ты бьешь отца!

ФИДИПИДЪ.

Да, было отца.

СТРЕПСІАДЪ.

Вы слышите, онъ въ этомъ признается.

ФИДИПИДЪ.

Конечно.

СТРЕПСІАДЪ.

О злодѣй! Отцеубійца!
 О святотатецъ!

ФИДИПИДЪ.

Повтори еще,
 Прибавь еще ругательствъ: мнѣ пріятно
 Ихъ слышать.

СТРЕПСІАДЪ.

О безчестный!

ФИДИПИДЪ.

Ты даришь

Мнѣ розы.

СТРЕПСІАДЪ.

Вѣдь ты бьешь отца?

ФИДИПИДЪ.

И докажу, что бить имѣю право.

СТРЕПСИДЪ.

Возможно-ли имѣть на это право!

ФИДИПИДЪ.

Я докажу, ты будешь убѣжденъ.

СТРЕПСИДЪ.

Я буду убѣжденъ?

ФИДИПИДЪ.

И очень-просто.

Лишь мнѣ скажи, какое разсужденъе
Желаешь ты, чтобъ я употребилъ?

СТРЕПСИДЪ.

Употребилъ какое разсужденъе?

ФИДИПИДЪ.

Ну, сильное или слабое.

СТРЕПСИДЪ.

Ужъ слишкомъ

Я научилъ тебя противорѣчить правдѣ,
Когда ты мнѣ желаешь доказать,
Что дѣти бить отиовъ имѣють право.

ФИДИПИДЪ.

Итакъ я докажу, что ты, услышавъ
Слова мои, не будешь знать, что отвѣчать.

СТРЕПСИДЪ.

Желаю-бы я послушать, что ты скажешь.

ХОРЪ.

Старикъ! теперь твоя забота
На должный путь наставить сына:
Онъ не былъ-бы такъ дерзокъ, если-бъ
Не полагался на успѣхъ:
Опору, вѣрно, онъ имѣеть,
Видна увѣренность его!
Но прежде разскажи ты хору,
За что разсорился вы.

СТРЕПСИАДЪ.

Я разскажу вамъ о причинѣ ссоры:
 Я подь-конецъ обѣда попросилъ,
 Чтобъ онъ взялъ лиру и, на ней играя,
 Пропѣлъ-бы съ чувствомъ пѣсню Симонида
 «О золотомъ Рунѣ», и вдругъ онъ сталъ
 Миѣ говорить, что глупо за столомъ
 Играть и пѣть, какъ женщина, когда
 Она толчетъ крупу.

ФИДИПИДЪ.

И ты не стоишь
 Чтобы душишь и бить тебя? Ты захотѣлъ
 Чтобъ я, какъ стрекоза, пѣлъ за обѣдомъ!

СТРЕПСИАДЪ.

Сперва онъ это миѣ сказалъ, потомъ
 Сталъ говорить, что Симонидъ плохой поэтъ;
 Не безъ труда удерживался я
 И попросилъ его, по крайней-мѣрѣ,
 Взять миртовую вѣтвь ⁽⁵⁷⁾ и разсказать
 Какой нибудь отрывокъ изъ Эххиа.
 А онъ сказалъ: «Безспорно, что Эххилъ
 Первѣйшій изъ поэтовъ: онъ надуть,
 Паушищенъ, беспорядоченъ, неровенъ!»
 Вы можете вообразить, какъ я
 Былъ разсерженъ, но я не горячился.
 «Ну, хорошо, — сказалъ я: — спой ты миѣ
 Хоть что-нибудь прекрасное изъ новыхъ
 Поэтовъ». Тутъ онъ сталъ изъ Еврипида
 Отрывокъ пѣть, въ которомъ, Зевсъ великій!
 Описаны неслыханныя вещи... ⁽⁵⁸⁾
 Тутъ я не вытерпѣлъ, сталъ осынать
 Его укорами, мы оба разсердились,
 Другъ съ другомъ мы бранились, и тогда

⁽⁵⁷⁾ Держать миртовую или лавровую вѣтвь было въ обыкновеніи, когда кто-либо пѣлъ за обѣдомъ.

⁽⁵⁸⁾ Изъ *Эола*, трагедіи Еврипида, отъ которой до насъ дошли только отрывки.

Онъ бросился ко мнѣ и стагъ меня
Душить, давить и бить.

Фидипидъ.

На это право

Имѣлъ я: лучшаго поэта Еврипида
Осмѣлился ты осуждать!

Стрепсиадъ.

Онъ лучший!

Кто, онъ? какъ я скажу! Да что-жь ты бьешь меня

Фидипидъ.

Да, быю и бить имѣю право.

Стрепсиадъ.

Право?

Безстыдный, бить того, кто въ дѣтствѣ
Угадывагъ по первымъ лепеталямъ
Твои желанья. «Вришь» бывало скажешь,
Я понимагъ и приносилъ тебѣ питье.
«Мамманъ» ты скажешь, хлѣба я давалъ, (53)
А ты меня душить не постыдился!

ХОРЪ.

Какъ сердце юноши трепещеть
Отъ истергѣнія услышать.
Да, если онъ искусствомъ
Своихъ рѣчей докажетъ намъ,
Что хороши его поступки,
То я ни одного обоба
За кожу старика не дамъ.
Однако ты, изобрѣтатель,
Употребитель новыхъ словъ,
Ты доказательство представъ,
Что ты закононо поступаешь.

Фидипидъ.

О, какъ пріятно жить среди открытій

И повихъ выдумокъ, и презирать
 Постановленные законы! Прежде,
 Когда я былъ охотникъ до коней,
 Лишь эта страсть меня и занимала.
 Тогда не могъ сказать я безъ ошибки
 Трехъ словъ; но мой отецъ меня отвлекъ
 Отъ этой страсти, и когда я свѣдущъ сталъ
 Въ искусствѣ говорить и мудро мыслить,
 То я теперь надѣюсь доказать,
 Что я имѣю право бить отца.

СТРЕНСИАДЪ.

Ну, убирайся снова къ лошадямъ:
 Я лучше буду четверню кормить,
 Чѣмъ отъ тебя терпѣть побой.

ФИДИПИДЪ.

Я опять
 Начну съ того, на чемъ остановился,
 И только объ одномъ спрошу тебя:
 Ты въ малолѣтствѣ билъ меня?

СТРЕНСИАДЪ.

Конечно,

Я это дѣлалъ для твоей-же пользы

ФИДИПИДЪ.

Скажи: не долженъ-ли и я тебѣ
 Платить за это тѣмъ-же — бить тебя?
 Кого люблю и бью. И почему
 Желаетъ ты, чтобы не я, а ты
 Избавленъ былъ отъ наказанья?
 Какъ ты, вѣдь такъ и я рожденъ свободнымъ;
 И почему-же дѣтямъ должно плакать,
 А не отцамъ?

СТРЕНСИАДЪ.

Какъ, почему?

ФИДИПИДЪ.

Ты скажешь,
 Что бить дѣтей дозволено закономъ? —

А я скажу, что старки опять
Становятся дѣтми, и должно ихъ
Наказывать тѣмъ строже, что они
Не по незнанью поступаютъ дурно.

СТРЕПСИАДЪ.

Но никогда законъ не позволяетъ
Отца бить дѣтямъ.

ФИДИПИДЪ.

Но такой законъ
Такой-же издалъ человекъ, какъ мы,
И сохранять заставилъ. Почему-жъ
Я не могу издать законъ, который
Въ свою-бы очередь позволилъ дѣтямъ бить
Отцовъ? Мы васъ всегда благодаримъ
За всѣ удары ваши до издавья
Закона моего; безъ наказанья
Васъ бить теперь мы можемъ. Посмотри
На пѣтуховъ и на другихъ животныхъ,
Какъ защищаются они противъ отцовъ:
Однако это разница межъ ними
И нами? Все различье только въ томъ,
Что пѣтъ у нихъ законовъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Если пѣтухамъ

Во всемъ ты подражаешь, то за-чѣмъ
Не ѣшь навоза, какъ они, и не сидишь
Ты на насѣсть?

ФИДИПИДЪ.

Это, милый мой,
Совсѣмъ другое дѣло и объ этомъ
Сократъ не разсуждалъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Да перестань-же бить,
Въ противномъ случаѣ ты поступаешь
На-перекоръ своимъ рѣчамъ?

Фидиппидъ.

Но какъ?

Стрепсиадъ.

Вѣдь справедливо то, что я могу
Тебя наказывать, такъ точно какъ и ты —
Когда имѣть ты будешь сына, можешь
Наказывать его.

Фидиппидъ.

А если у меня
Нѣтъ сына, то я буду долженъ плакать,
А ты умрешь, смѣясь надо мной.

Стрепсиадъ.

Друзья мои, мнѣ кажется, что правду
Мой сынъ сказалъ, и истинѣ я долженъ
Необходимо покориться. Почему-жъ
Насъ за дурное не наказывать?

Фидиппидъ.

Постой,
Другое доказательство послушай

Стрепсиадъ.

Ну, я пронадшій человекъ!

Фидиппидъ.

Быть-можетъ,

Сердиться ты не будешь на меня за то,
Что я съ тобой такъ дурно обошелся.

Стрепсиадъ.

Но какъ? скажи, утѣшь меня скорѣе.

Фидиппидъ.

Я мать мою прибью.

Стрепсиадъ.

Что ты сказалъ?

Что ты сказалъ? Вотъ новая бѣда!

Фидиппидъ.

Что скажешь ты, когда я докажу
Что я имѣю право мать мою
Прибить?

Стрепсиадъ.

Безстыдный! Что ты затѣвасшь?

Чтобъ въ пропасть и тебѣ да и Сократу
Съ его премудростію провалиться!
О, облака, вы, вы причина бѣдъ моихъ,
Я отдалъ вамъ себя на произволь.

Хоръ.

Самъ на себя ты бѣдствія навлекъ,
Предавшись злу.

Стрепсиадъ.

Но отъ-чего-жъ объ немъ
Вы напередъ миѣ не сказали, но мою
Довѣрчивость во зло употребили.

Хоръ.

Уже всегда такъ поступаемъ съ тѣмъ,
Кто любитъ зло, до-той-поры, пока
Несчастьемъ мы не научаемъ ихъ
Боговъ бояться.

Стрепсиадъ.

Облака! жестоко,

Наказываете вы меня, но я
Достоинъ этого; не надо было
Обманывать моихъ заимодавцевъ.
Мой милый сынъ! со мной поиди скорѣо
Отметить и Херефону, и Сократу:
Они насъ обманули.

Фидиппидъ.

Ни за что
Не оскорблю паставниковъ моихъ.

Стрепсиадъ.

Послушайся! отческаго Зевса
Ты почитай.

Фидиппидъ.

Отческаго Зевса!
Ты миѣ смѣшонъ: да развѣ есть Зевесъ?

СТРЕПСИДЪ.

Конечно есть.

ФИДИПИДЪ.

Нѣтъ, вовсе нѣтъ его!

Вихрь царствуетъ, изгнавшій Зевса

СТРЕПСИДЪ.

Нѣтъ.

Кто Зевса могъ изгнать? Я было самъ
Повѣрилъ этому, несчастный: принялъ я
Шаръ глиняный за божество. (°)

ФИДИПИДЪ.

Я оставляю

Тебя безумству твоему

СТРЕПСИДЪ.

Ужасный бредь!

О, какъ-же я былъ глупъ, когда, повѣривъ
Словамъ Сократа, презиралъ боговъ;
Не гнѣвайся, о Гермесь, на меня!
Тебя молю я, не карай меня!
Прости ты заблужденья чловѣка!
Ты посоветуй, что теперь мнѣ дѣлать —
Начать-ли тяжбу, или другое что-нибудь
Я долженъ предпринять? (Въ забыты) Да, твой советъ
Весьма-благоразуменъ, не замедлю
Воздать имъ должное: я подожду ихъ домъ.
Сюда иди ты, Ксантій, принеси
Скорѣе лѣстницу, возьми топоръ
Влѣзай на верхъ, и если господина
Ты любишь, то руби по крышѣ, пусть она
Обрушится на этихъ негодяевъ.
Мнѣ хворосту зажжонаго подайте!
Теперь-то я надѣюсь имъ отметить.

УЧЕПНЪКЪ А.

Ай, ай!

СТРЕПСИДЪ.

Огня! ты хвороста подбрось!

(°) Афиняне передъ входомъ въ домъ ставили столбъ въ честь Аполлону; по всей вѣроятности, на сценѣ, передъ домомъ Сократа, вмѣсто столба, была поставлена какая-нибудь глиняная ваза.

УЧЕНИКЪ А.

Что ты тамъ дѣлаешь?

СТРЕПСИАДЪ.

Кто? я? да ничего!

Подтачиваю бревна.

УЧЕНИКЪ Б.

Кто зажогъ нашъ домъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Тотъ, у кого вы взяли плащъ.

УЧЕНИКЪ Б.

Ты насъ убьешь!

Ты насъ убьешь!

СТРЕПСИАДЪ.

Я этого-то и хочу.

Да только-бъ мнѣ топоръ не измѣнилъ,
Да не сломить-бы шен.

СОКРАТЪ.

Что ты тамъ

На крышѣ дѣлаешь?

СТРЕПСИАДЪ.

Парю

По воздуху и наблюдаю солнце.

СОКРАТЪ.

Несчастный я, я началъ задыхаться!

ХЕРЕФОНЪ.

Несчастный я, въ огнѣ я погибаю!

СТРЕПСИАДЪ.

Кто принуждалъ васъ окрорблять боговъ

И наблюдать теченіе луны?

Ломай, руби и разрушай! Имъ должно

Очиститься отъ всѣхъ ихъ прегрѣшеній,

Особенно за шутки надъ богами.

ХОРЪ.

Уйдемъ-те, мы работамъ довольно!